

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	2
Русско-китайские отношения в XVII веке.....	11
Русско-китайские отношения перед заключением Кяхтинского договора.....	17
Кяхтинский договор и Буринский трактат.....	25
Русско-китайские отношения в 30-е – 50-е годы XVIII века.....	36
Русско-китайские отношения во второй половине XVIII века.....	43
Заключение.....	51
Источники и литература.....	54

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня все большее значение во внешней политике России приобретает Азия. Это обусловлено тем, что Россия сама принадлежит к этому динамично развивающемуся региону. Для России одной из важнейших экономических задач является экономическое развитие Сибири и Дальнего Востока. Сейчас Китай является одной из ведущих стран Азии. А история взаимоотношений этих России и Китая насчитывает около 400 лет.

За все это время на границе между Россией и Китаем периодически возникали разногласия, но в состоянии объявленной войны между собой государства никогда не были. Поэтому можно утверждать, что установление и развитие взаимоотношений было важным для обоих государств.

Изучение истории русско-китайских пограничных отношений в XVIII веке представляет определенный научный интерес. Характер и содержание этих отношений, их особенности и место в системе внешней политики Китая и России, обстоятельства заключения русско-китайских договоров еще до конца не исследованы.

Актуальность данной работы заключается в необходимости изучения истории пограничных отношений, которые существовали в прошлом и существуют сейчас между двумя соседними государствами. В настоящее время для России, урегулирование вопросов государственной границы невозможно без знания истории пограничных отношений. В первую очередь это относится к формированию русско-китайской границы. Хотя в настоящее время вопрос разграничения снят и вроде бы нет никаких территориальных претензий сторон друг к другу, но они в любой момент могут возникнуть вновь. Несколько столетий две страны решали вопрос границы путем переговоров. Придерживаться и в будущем такого способа урегулирования территориальных разногласий, возможно только при изучении накопленного за столетия опыта.

Россия и Китай представляют собой отличные друг от друга варианты цивилизационного развития, в которых есть как схожие, так и совершенно различные компоненты. В отношениях между странами всегда находились черты межцивилизационного диалога, в сфере которого формировались определенные стереотипы взаимовосприятия, обусловленные факторами как культурно-исторического, так и геополитического характера. В настоящее

время чрезвычайно важен поиск наиболее оптимальной модели для русско-китайских отношений.

Поэтому, в связи с вышеизложенным, актуальным является изучение истории русско-китайских отношений, с позиции современных концепций, разработанных с учетом геополитических, экономических, культурологических составляющих.

Объектом исследования является формирование и развитие русско-китайских отношений в XVIII веке

Предмет исследования – торговая и дипломатическая деятельность России и Китая в пограничных территориях.

Хронологические рамки – XVIII век в русско-китайских отношениях называют «кяхтинским периодом». При заключении Кяхтинского договора происходит закладка основ всей системы взаимоотношений между Россией и Китаем. В последующие годы происходит развитие этих отношений.

Территориальные рамки – обусловлены приграничными районами России и Китая в Центральной и Восточной Сибири и Дальнем Востоке.

Степень изученности темы.

Проблема русско-китайских отношений не теряет своей актуальности с момента возникновения. Поэтому систематическое изучение взаимоотношений России и Китая начинается вместе со становлением российской исторической науки, в XVIII веке. Но из-за широты и объемности темы, многие аспекты еще до конца не исследованы. Один из первых, кто начал изучение вопроса русско-китайских отношений, стал Г.Ф. Миллер, который провел огромную работу по сбору, обработке и критическому анализу источников; положил начало систематическому изучению отношений России и Китая. В его работах содержатся материалы многих, не дошедших до нас источников по раннему русско-китайскому взаимодействию. Так, например, «Описание о торгах сибирских» дает представление о торговых взаимосвязях России и Китая. В работе «О первых российских путешествиях и посольствах в Китай» сообщается о первых взаимодействиях между государствами, несмотря на отсутствие у российских послов необходимой подготовки. Вопросы границы были им рассмотрены в работе «Изъяснения сумнительств, находящихся при постановлении границ между Российским и Китайским государством», изданных в 1756 и 1757 гг.

Н.Н. Бантыш-Каменский, практически всю свою жизнь, проработав в Московском Архиве Коллегии Иностранных дел, на основе имеющихся там документов, создал много трудов по истории внешней политики государства

Российского, в том числе и «Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами». В этом труде Бантыш-Каменский описывает русско-китайские отношения начиная с посольства Байкова и заканчивает 1792 г. Описание сопровождается архивными документами. Также в «Дипломатическое собрание» вошли переводы нескольких китайских грамот. Труд Бантыш-Каменского имеет актуальное значения для изучения и в настоящее время.

История русских миссий в Пекине описана иеромонахом Феодосием (Сморжевским) в «Выписке из замечаний о пекинских духовных миссиях», которая была составлена в виде хронологических записок. Феодосий помимо описания сделал и критический анализ деятельности русских миссионеров в Китае. Значительный вклад в историю русско-китайских отношений стал труд начальника восьмой русской миссии в Пекине, архимандрита Софрония (Грибовского) «Уведомление о начале бытия россиян в Пейдзине и о существовании в оном грекороссийской веры». Также, в XIX веке над изучением русско-китайских связей трудятся такие ученые как: Н.Я. Бичурин (Иакинф) «Статистические сведения о Китае», Ю. Клапорт, И.П. Сахаров и др. У них собрано очень много фактологического материала.

В 1882 г. издана монография Х.Трусевича «Посольские и торговые сношения с Китаем», в которой приведен огромный фактический материал в виде анализа и сопоставления данных по стоимости отдельных видов товаров и их провозу. Его работа дополняет ранее изданное исследование А. Корсака «Историко-статистическое обозрение торговых сношений с Китаем». В этих работах проводится анализ данных о ценах и товарах. Х. Трусевич один из первых отметил в своих работах разное мировосприятие российской и китайской цивилизаций.

Если в начале XIX века только начинает зарождаться историческая наука, и работы этого периода имеют обобщенный и ознакомительный характер, то в конце XIX – начало XX вв. все больше появляется работ по выделению отдельных проблем в изучении русско-китайских отношениях: территориальных, дипломатических, торговых.

В связи с Октябрьской революцией и становлением Российского государства в первой половине XX в. советская историческая наука только зарождалась и поэтому в тот период не было серьезных и глубоких исследований русско-китайских отношений. «Основной материал, которым

пользовались советские историки этого периода, черпался из работ русских дореволюционных авторов, причем этому не всегда сопутствовал элемент необходимого углубления и критического переосмысливания». [23с. 38] Так например, в монографии Саввина В.П. «Взаимоотношения царской России и СССР с Китаем» нет нового фактического материала, а работа Базилевича К.В. «В гостях у богдыхана: (путешествия русских в Китай)», является скорее научно-популярной, чем является исследовательской работой. Исключение представляет Бахрушин С.В. «Торги гостя Никитина в Сибири и Китае».

В советский период историческая наука была поставлена в жесткие идеологические рамки, рассматривалась с точки зрения формационного подхода. И если Х. Трусевич отмечал «необычайный консерватизм китайцев», то формационный подход объяснял специфические особенности внешней политики Китая, высокомерием и амбициозностью правящей верхушки. В этот период практически все исследователи трактуют русско-китайские отношения как проявление агрессивных стремлений русского царизма, которые направлены на ущемление интересов Китая. В 20-е годы существовала научная школа Романова Б.А. в которой проблема русско-китайских отношений рассматривалась в основном через призму межимпериалистической борьбы двух держав. В раннее советское время выходят обобщающие работы по исследованию русско-китайских отношений. Характерно, что в этих работах замалчиваются наиболее сложные вопросы истории взаимодействия двух стран. Например, в работе Саввина В.П. «Взаимоотношения царской России и СССР с Китаем», нет упоминания ни об одной конфликтной ситуации.

Но среди множества работ, подчиненных жесткой идеологии, встречаются и труды, не потерявшие свою актуальность и по сей день: Вилков О.Н. «Очерки социально-экономического развития Сибири кон. XVI – нач. XVIII в», Силин Е.П. «Кяхта в XVIII веке. Из истории русско-китайской торговли», Шунков В.И. «Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков», Курц Б.Г. «Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII столетиях» и др. Все эти работы носят экономический характер и поэтому в меньшей степени подвержены идеологии.

После прихода к власти в Китае КПК, начинается новый этап отношений СССР и Китая. Выходят работы, посвященные русско-китайским отношениям в XVIII веке. В них подчеркивается дружественный характер отношений между государствами.

В 60-х гг. в связи с резким ухудшением советско-китайских отношений начинается «борьба с маоистской фальсификацией истории». В это время публикуется ряд статей и документов, касающихся разных аспектов отношений России и Китая. Нерчинский договор снова расценивается, как дипломатический провал России. Например, Хвостов В.М. «Китайский» счет по реестру и правда истории», считал, что: «...договор, подписанный представителями русского правительства под угрозой со стороны превосходящих маньчжуро-китайских войск, был вовсе не равноправным, а навязанным силой актом, причем в роли захватчика и насильника выступала Китайская империя».[27с. 16]

Александров В.А. в работе «Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.)», основываясь на архивных материалах, пытается доказать, что территории, которые отошли Китаю по Нерчинскому договору, уже были освоены Россией. И поэтому можно говорить о китайском захвате дальневосточных земель.

Наравне с идеологизированными работами, выходят и труды, которые внесли большой вклад в изучение и систематизацию исторического и историографического материала о русско-китайских отношениях. Они не потеряли своей актуальности и сегодня. Это в первую очередь сборник архивных документов под ред. Мясникова В.С. «Русско-китайские отношения в XVIII в.», и работа Скачкова П.Е. «Очерки истории русского китаеведения».

В последнее десятилетие XX века происходит кардинальный пересмотр истории, снимаются жесткие идеологические рамки, становятся доступны для изучения многие, закрытые до этого времени архивы и книжные фонды. Появляются обобщающие работы (XVII – XX вв) в области русско-китайских отношений. Среди них следует назвать В.С. Мясникова «Россия и Китай», «Кастальский ключ китаеведа», В.Г. Дацышена «История русско-китайских отношений (1618 – 1917 гг.)», А.Д. Воскресенского «Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений», которые обозначили ряд новых подходов в изучение двухсторонних связей рассматриваемых государств. Однако, большинство работ касаются более позднего периода – XIX -XX вв. И к сожалению не все события достаточно освещены и изучены. Освобождение от советской идеологии привело к тому, что некоторые выводы, полученные советскими историками, нуждаются в пересмотре и переоценке.

В настоящее время в самых разных журналах публикуются статьи по истории русско-китайских отношений. Сборники конференций «Общество и государство в Китае», «Россия и АТР», «Известия Восточного института ДВГУ», «Азиатский вестник» и др.

Китайская историография опирается на государственную догматику, согласно которой любая деятельность России на территории Цинской империи или рядом с ее границами, рассматривалась как акт агрессии. Практически до конца XX века вся литература по истории русско-китайских отношений до 1917г. издавалась под названиями «История агрессии царской России против Китая».

Характеристика источников

Работа написана на основе анализа опубликованных документов. Используемые в работе источники делятся на 3 группы

1. Источники, которые непосредственно касаются русско-китайского взаимодействия в различных областях: тексты международных договоров; грамоты российских царей китайским императорам; указы, выданные русским дипломатам, направляющимся в Китай; документы, содержащие сведения о состоянии пограничных дел, о русско-китайской торговле; документы по подготовке и работы российских посольств и духовных миссий в Китае. Отчеты русских дипломатов о поездках в Китай
2. Официальная документация делопроизводственного характера, связанная с управлением Сибирью: указы, грамоты от центральных органов к нижестоящим местным учреждениям; переписка сибирских администраторов различного уровня между собой и их грамоты в центр.
3. Исследовательские работы современников по данной тематике; путевые заметки послов, дипломатов; воспоминания современников.

Таким образом, имеющийся источниковый и историографический материал позволяет формулировать цели и задачи.

Цель дипломной работы – на основе фактологического материала выявить и осветить особенности становления и развития русско-китайских пограничных отношений в XVIII веке. Для достижения данной цели предполагается решение следующих задач:

- рассмотреть специфические особенности исторического развития российской и китайской цивилизаций в целом, а также внутривосточные условия, повлиявшие на развитие отношений между двумя странами;
- выявить интересы каждой из сторон в процессе взаимодействия;

- установить причины, затруднявшие внешнеполитические связи России и Китая и наоборот, рассмотреть условия мирного сосуществования;

Основные принципы, которыми руководствовалась в работе, это принцип историзма, который помогает рассмотреть исторические явления, события и факты во взаимосвязи, изменении и развитии, на фоне тех явлений, которые происходили в государстве и обществе. Принцип научной объективности дает возможность изучить проблему с точки зрения непредвзятого отношения к историческому прошлому и максимально достоверно передать ход событий.

В работе использовался метод сравнительного анализа для выявления общего и особенного в развитии пограничных отношений России и Китая. И метод системности, который помогает изучить объекты и явления прошлого как целостность исторических систем.

Прикладная значимость дипломной работы связана с учебно-преподавательской деятельностью. Отдельные части работы можно использовать на уроках естествознания, всеобщей истории и истории России.

Структура работы состоит из введения, пяти глав и заключения. Во введении обоснована актуальность взятой темы, поставлены цели и задачи работы, показана степень научной разработанности проблемы, определены хронологические и территориальные рамки, дана характеристика использованных источников.

Первая глава. В первой части содержится краткий экскурс в историю русско-китайских отношений XVII в. Далее идет описание развития событий с точки зрения внешней политики двух государств. Особенности формирования политических отношений. Вопрос о границе между Россией и Китаем после Нерчинского договора остался незавершенным и стоял очень остро в XVIII в. В главе показаны, какие препятствия возникали при проведении пограничной линии, какие претензии были у сторон по поводу границы, какие уступки были сделаны в ходе переговоров.

Во второй главе рассматривается период между двумя договорами – после заключения Нерчинского и Кяхтинским. Раскрываются причины, побудившие стороны к заключению нового договора. Убеждая в вечном мире, стороны продолжали настаивали на своей позиции, препятствуя друг другу. Так, для России торговля находится на первом плане русско-китайских отношений. Для нее важно, чтобы Китай беспрепятственно

пропускал ее караваны для торговли. Местная администрация сквозь пальцы смотрит на перебежчиков и ей не важно на какой стороне границы был заготовлен для нее ясак. Что же касается Китая, то там торговля издавна считалась низшим занятием. Цинская империя в то время была самообеспечивающимся государством и по большому счету не нуждалась в товарах из России. Зато вопрос о перебежчиках и границе очень тревожил китайское правительство. Не потому что было мало места, при Нерчинском договоре цины поклялись не заселять приграничные места, а потому что Китай всегда был изолированным государством, и правительство старалось отодвинуть границы как можно дальше от Пекина и маньчжурии.

Третья глава рассказывает о посольстве графа С.Л. Владиславича-Рагузинского. О том, что хотела получить Россия от заключения договора, чего добивалась китайская сторона. Подробно рассмотрено как проходило заключение Кяхтинского и Буринского договоров. В каких условиях проходило обсуждение пунктов договоров, порядок принятия самого Кяхтинского договора. Какие объективные и субъективные причины препятствовали разграничению. Также в главе отражена суть китайской дипломатии – все средства хороши, если они не противоречат доктрине китаецентризма.

Четвертая глава. Русско-китайские отношения ознаменованы внешнеполитическими фатами. Для войны с Джунгарией Китаю нужны союзники. Богдыхан снизошел до оправки первого в истории Китая посольства в европейскую страну. По причине все той же войны начинается массовое бегство на территорию России кочевого населения приграничных районов Китая –Халхи. Это конечно же вызывает недовольство маньчжур. Ведется активная переписка между государствами, высказываются взаимные упреки и претензии. После перемирия Китая и Джунгарии обстановка улучшается и отношения сглаживаются.

Пятая глава. Вторая половина XVIII века – зенит могущества Китайской империи. В отношениях с Россией инициатива исходит от Китая. Цинское правительство старается поставить Россию на место. Запрет судоходства по Амуру осложнил России изучение и освоение дальневосточных земель; постоянные домогательства о выдаче своих врагов; грубые нападки Трибунала на Сенат. При малейшем недовольстве Китай прекращал всякую торговлю с Россией. Твердость и выдержка российского правительства, а также насущная потребность в торге с Китаем помогли преодолеть этот барьер и достичь своего – т.е. свободной торговли.

В заключении подводятся итоги исследованных источников и литературы, формируются окончательные выводы по рассматриваемой теме. К концу XVIII в. между Россией и Китаем сложились прочные отношения, особенности которых определялись рядом факторов. Это и отсутствие более чем за сто лет юридически оформленной границы; преобладание со стороны России экономической заинтересованности над геополитической; Россия и Китай относятся к разным цивилизациям, и требуется очень долгое время, чтобы изучить особенности друг друга, чтобы одна культура проникла в другую прижилась и дала свои всходы. До сих пор многие вопросы остаются нерешенными. И если хорошо изучить историю наших с Китаем взаимоотношений, может быть, в будущем удастся наладить действительно искреннюю дружбу и поддержку между государствами.

РУССКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XVII ВЕКЕ

На сегодняшний день у ученых нет точной информации о том, когда на Русь попали первые сведения о Китае. Возможно, их принесли русские купцы, торговавшие со странами Востока. Например, Л.Н. Гумилев считал, что в «Слове о полку Игоревом» упоминается о Китае «страна хинова».[12 с. 313] Но некоторые историки (такие как Н.Ц. Мункуев, академик Б.А. Рыбаков) отвергают эту точку зрения. Хотя согласно летописям первые отношения между народами Руси и Китая начинаются с XIII века, а уже межгосударственные с началом XVII века. С началом освоения Сибири начинается заселение русских на новой территории. Служилые и промышленные люди основывают многочисленные поселения, исследуют местности к югу и юго-востоку от русских форпостов. Первая попытка русского правительства в 1608 г. узнать путь в Монголию и Китай провалилась. Посланники царя Василия Шуйского, томские казаки во главе с Иваном Белоголовым, отправленные на поиски Китайского государства, из-за войны ойратов с Алтын-ханом Западной Монголии, не смогли достичь своей цели. Но зато они привезли сведения о Китае, полученные от енисейских киргизов.

Следующая попытка достичь границ загадочного государства и установить с ним контакт была предпринята в 1618 г. Тобольский казак Иван Петлин, был отправлен из Тобольска в Пекин. До Монголии русские посланники доехали с послами Алтын-хана, возвращавшиеся из Москвы. Далее продвигаясь вдоль китайской стены, достигли прохода, который и вел в столицу Китая. Нахождение в Пекине русских представителей оказалось очень коротким. К императору Ивана Петлина не пустили – у последнего не было достойных подарков для поднесения императору. Зато китайские чиновники вручили Петлину грамоту от императора. Эту Иван Петлин доставил в Москву. К сожалению из-за незнания китайского языка эта грамота, в которой содержалось разрешение на установление торговых отношений и отправление посольств в Китай, оставалась непрочитанной несколько десятилетий. Но начало дипломатических отношений уже было положено. Более того, Петлин был первым, который рассказал о неизвестном

пути через Алтайско-Саянскую горную систему, пустыню Гоби, вдоль Великой Китайской стены через Чжанцзюякоу.

С присоединением к России Приамурья и продвижением маньчжуров на север и северо-восток от своих владений границы России и Китая соприкоснулись. Начинают возникать первые приграничные столкновения. В марте 1652 г. произошло столкновение маньчжурского отряда с отрядом Е.П. Хабарова в Ачанском остроге, в июне 1658 г. несколько десятков китайских судов настигли отряд О. Степанова на Амуре ниже устья Сунгари и перебили большую часть казаков.

Россия, только начинающая оправляться после эпохи Смутного времени, во второй половине XVII в. продолжает попытки установить равноправные дипломатические связи с Китаем. В 1654 г. в Поднебесную направляется первое официальное посольство во главе с Ф.И. Байковым. Китайская администрация, исходя из своих традиционных внешнеполитических установок, пытается навязать русским статус «вассала» и провести границу как можно дальше от маньчжурии. В итоге посольство Байкова закончилось неудачей из-за отказа послом выполнить ритуал приветствия китайского императора.

После вошествия на китайский трон императора Канси (1662 – 1722 г.) политика по отношению к русским еще больше ужесточается. Император лично разрабатывает важнейшие внешнеполитические и военные планы по усмирению «лоча» в Приамурье. «При Канси к посольствам из России стало еще более пренебрежительным, что было четко выражено во вновь утвержденном порядке приема послов в случае их одновременного прибытия с «данью»: «Сажать джунгарских посланцев на наиболее почетном месте, послам халхасцев – садиться вслед за ними, а представителям Русского государства – за халхаскими послами»».[25 с. 25]

Далее Китай лишь усиливает военную агрессию против русских поселений в Приамурье, китайское правительство продолжает требовать от русских дипломатов беспрекословного выполнения всех «даннических» церемоний. В 1675 г. в Китай направляется другое посольство во главе с переводчиком Посольского приказа Н.Г. Милеску-Спафарием. В отличие от Байкова, Спафарий, который был вынужден исполнить ритуал, был принят императором. Но во время подношения подарков от богдыхана Спафарий не встал на колени, и тем самым навлек на себя гнев цинской администрации. Во время своего путешествия в Китай Спафарий вел дневник и впоследствии составил «Описание первья части вселенныя, именуемой Азии, в ней же

состоит Китайское государство, с прочими его города и провинции». Сохранилось сорок списков этой работы.[24 с. 83] И хотя сведения, которые собрало посольство Спафария расширили знания о Китае, оно не привело к желаемой цели – установить постоянные торговые и экономические связи.

В августе 1689 г. в Нерчинске состоялись переговоры представителей России и Китая, которые завершились подписанием первого в истории русско-китайских отношениях, договором. Русскую делегацию возглавлял окольный и наместник брянский Ф.А. Головин, а с Китайской стороны главой делегации являлся дядя императора Канси, князь Сонготу.

Переговоры велись с угрозой применения оружия с китайской стороны. При отсутствии нужного количества людей и вооружения Головин был вынужден пойти на уступки, хотя и не такие большие, на которые рассчитывала китайская сторона. В соответствии со статьями Нерчинского договора Россия отказывалась от территорий в верхнем и среднем течении Амура, которые долгое время находились под контролем русского правительства. Крепость Албазин подлежала разорению. Головину удалось сохранить за Россией Забайкалье и побережье Охотского моря. Китайские послы дали обязательство не заселять албазинские земли. «Весь трактат был составлен единственно под влиянием китайских требований, все было уступлено Китаю, никакой выгоды не представлялось России. Он заключается в двух главных пунктах: в разграничении земель и постановлении правил касательно могущаго случиться столкновения между пограничными жителями. Граница начиналась на западе рекой Аргунью; на южной стороне ее русские уже имели остроги, которые мы обязывались перенести на северную сторону, идя по реке Аргунь на восток до соединения с Шилкой и далее, до р. Горбицы, граница поворачивала от Амура к истоку последней реки, и направлялась уже далее на восток по Хинганьскому хребту, так что мы отеснены были не только от Амура, но и даже от всех рек, впадающих в него с севера, тогда как маньчжуры ни разу не восходили, ни по одной из них».[11 с. 66]

Хотя многие российские ученые считают что «Нерчинский договор неравноправным по отношению к России, и с юридической точки зрения не отвечает не только современному международному праву, но и межгосударственным правовым актам того времени (географические ориентиры были не корректны, не было обмена географическими картами, текст договора на латинском, маньчжурском и русском не был идентичен и допускал различное толкование)» [25с. 29], он послужил отправной точкой в

налаживании дипломатических отношений, заложил основы мирного существования двух великих держав на следующие 150 лет. В тексте Нерчинского договора было прописано: «А войны и кровопролития с обеих сторон нечинать». Любые конфликты предписывалось решать только путем мирных переговоров. В течение следующих двух столетий, Россия практически постоянно вела военные действия на своих западных рубежах, но на границе с Китаем до конца XIX века серьезных конфликтов не наблюдалось.

Нерчинский договор хотя и снял остроту ситуации, но не привел к полному решению всех вопросов. Поэтому напряжение в отношениях между двумя государствами сохранилось. Выполнение условий договора затянулось еще на год. Ст. 2 Нерчинского договора гласила: «Крепость Албазин или твердыня в месте, называемом Ягса, выстроенная русскими, должна быть до основания срыта и разрушена. И все ее жители, подданные Российской империи, со всем своим какого бы то ни было рода имуществом, должны быть выведены в земли Русской империи».[1 с. 10] Из-за приближающейся зимы перенести все имущество из Албазина не представлялось возможным, поэтому российская сторона решила оставить переселение до следующего года.

Летом 1690 г. начались военные действия между маньчжурами и джунгарским ханом Галданом за земли Северной Монголии, которые граничили с Россией. Это противостояние закончилось победой императора Канси. Поэтому, когда в 1691 г., в состав Цинской империи вошла Северная Монголия (Халха) снова встал вопрос о границе с Россией.

Еще один фактор напряжения это вопрос о перебежчиках, которой стоял для китайского правительства очень остро. Население из пограничных районов Монголии стало переходить в российские пределы. «В конце 1690 г. к Нерчинску прикочевало до 200 бурятских юрт ботороева рода, ушедших вместе с онкотами к оз. Далайнор в 1689 г. Вслед за ними в ноябре 1691 г. в Нерчинск оттуда же пришло еще 400 бурятских юрт, также ушедших за рубеж в 1689 г.».[10 с. 198]

В 1692 г. цинское правительство присылает в Россию официальное послание, в котором ставится вопрос о границе между Россией и Халхой. Однако русские тянут с ответом, потому что еще до сих пор не ратифицирован Нерчинский договор и не известно как поступит в дальнейшем император. Для выяснения всего этого в том же 1692 г. в Пекин посылается полуофициальная миссия И. Идеса. «Идесу удалось выяснить,

что богдыхан Канси удовлетворен условиями договора и не предполагает нарушать мира. Идесу стало также известно, что богдыханское правительство решило добиваться согласия России на размежевание монгольской границы путем стеснения торговых связей, установление которых гарантировалось Нерчинским договором».[10 с. 201]

В последующие года ситуация кардинально не меняется: стороны отправляют друг другу представителей с претензиями о нарушениях границы, правительство совещается, направляет ответные претензии, откладывает решение этих вопросов. В результате все эти проблемы плавно перетекают в XVIII век...

Есть разные мнения по поводу считать удачной или провальной миссию Головина. Например, В.П. Васильев еще в начале XX века писал: «Головин как будто вовсе не имел понятия о выгодах своего государства; весь трактат написан был под влиянием панического страха или насилия. Даже сличая маньчжурский подлинник с русским, мы находим, что последний имеет более выгодное толкование... Если бы Головин имел хотя сколько-нибудь твердости, или хотя сколько-нибудь знал Китай, посоветовался с кем-нибудь, то он сам мог бы предписывать китайцам условия, несмотря на то, что они были в то время сильнее».[11 с. 68]

Но имелись и другие мнения. Так например, Е.И. Сычевский считал положительными условия Нерчинского договора: «Замысловатые условия боярина Головина, сделанные при невыгодных обстоятельствах с китайскими дипломатами, имевшими на стороне своей перевес физический на конгрессе в Нерчинске и руководимыми к тому еще св. отцами иезуитского ордена, показывают дипломатическую ловкость и дальновидное соображение боярина Головина, оправданное последствиями». То, что при переговорах в Нерчинске район р. Уды был оставлен без разграничения и по границе не были установлены межевые знаки, Сычевский считал уловкой Головина, позаботившегося о «будущих благоприятных обстоятельствах».[23 с. 25]

Как бы то ни было, но многие ученые сходятся во мнении, что «Посольство Головина кончилось чувствительною для России потерей всего Амура; но и в деле Головина, при всей его неудаче, заключалась та хорошая сторона, что один из пунктов Нерчинского договора был, некоторым образом, поводом к возобновлению в наше время вопроса об Амуре».[28 с. 173]

Вывод.

Основой китайской внешней политики являлась традиционная модель китаецентризма, согласно которой китайский император управляет империей на основе мандата Неба. Он является государем всех народов, которые считаются его вассалами. Любое иностранное посольство принималось в Пекине как признание вассальной зависимости. Исходя из этой теории все контакты с соседями рассматривались как даннические. Россия здесь не была исключением. Это затрудняло развитие русско-китайских отношений. Например, посольство Байкова не было допущено к императору из-за отказа выполнить ритуал «коу-тоу» - три раза по три падать перед императором ниц, Спафарий был выслан из страны из-за отказа принимать императорские подарки на коленях. Эти миссию не добились своей цели, тем самым отодвинув развитие взаимоотношений на более позднее время. Все сношения с Россией осуществлялось через «Палату по делам вассальных территорий» - Лифаньюань, что подтверждало данническое положение России.

В XVII веке складывается ситуация, когда внешняя политика Китая проводится согласно китаецентричной доктрине, а Россия не имеет на своих восточных границах военной силы, которая могла бы оспорить эту доктрину. Поэтому Китай диктует России свои условия. Подтверждение тому Нерчинский договор. Цинское правительство претендует на земли, о которых даже и не слышало, и Россия вынуждена пойти на большие территориальные уступки.

Положительным в этот период является развитие торговых отношений, которые для России на первом месте и еще долгое время будут оставаться таковыми.

РУССКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПЕРЕД ЗАКЛЮЧЕНИЕМ КЯХТИНСКОГО ДОГОВОРА

В XVIII веке Россия выходит на новый этап своего развития. Проходят реформы Петра I. Россия стремительно набирает авторитет в европейской политике. Теперь можно уделить Востоку более серьезное внимание. По реформе Петра I Тобольск становится центром, отдельно выделенной Сибирской губернией. Губернатор Сибири наделен широкими полномочиями. Начинается активное освоение сибирских земель. Торговля с Китаем играет все более важную роль. По высказыванию Вольтера: «Торговля с Китаем была тогда очень выгодна для России: они вывозили оттуда золото, серебро и драгоценные камни».[25 с. 19] После Нерчинского договора налаженная торговля идет своим чередом. «В течении следующих пятнадцати лет ничего достопамятного не произошло в разсуждении дел с китайским двором, кроме что посылались из Сибирского Приказа в Пекин российские купчины с соболиною казною и иною мягкой рухлядью для продажи, мены и покупки про Государев обиход китайских всяких товаров».[6 с. 92]

Но постепенно хорошие отношения начинают портиться. Китайские власти постепенно начинают чинить препятствия для российских купцов и торговли с Россией. А в 1718 г. и вовсе ввели запрет на караванную торговлю. Объясняли это дороговизной содержания купеческих караванов. «К сибирскому губернатору, князю Гагарину был направлен лист следующего содержания» «Указ Императора состоялся: Ежели московские в Пекин приезжающие, люди добровольно в долг похотят отдать свои товары, то в том они произволение свое да имеют; а по прошествии назначенного срока, сами да понуждают должников к платежу; а мы в том помешательства чинить не будем. А ежели бы не могли распродать своих товаров, то назад оные отвозить имеют, Также впредь купцов российских не присылать в Пекин, разве по прошествии нескольких годов, и тогда в границах наших купечество отправлять имеют. И поелику в Пекине мало охотников на товары российские, то приезжающие впредь из России с малым купечеством должны, для облегчения взаимной коммерции, продавать свои товары в пограничных городах, имея притом письменный вид от него, губернатора».[6 с. 112]

Почти одновременно с этим письмом, в 1718 г., в Пекин выехал торговый караван с комиссаром Ф. Истопниковым, который был выслан

обратно в Россию. С Истопниковым был направлен князю Гагарину лист, в котором цинское правительство выражало неудовольствие по поводу присылки каравана и вообще всей российской торговли в целом. Сообщалось о том, что в стране очень много российских товаров, и они не пользуются спросом; что Китай начал торговлю с европейскими странами и не нуждается в российских купцах, которые мало того завышают цены и ведут неправильный торг, но еще и учиняют разные беспорядки, ссоры.

Конечно, по Нерчинскому договору, Китай не мог ввести полный запрет на торговлю с Россией, поэтому в ответном «листе» цинское правительство предупреждает: «Ныне товары ваши, которые лежат на границах, хотя и привезены будут в столицу, но покупать не кому, и в продолжении дней и месяцев ваши люди не токмо великий убыток понесут, но еще как в приезде, так и в отъезде своем много разорятся; равно и те, которые живут на границах, скот и фураж дают. Того ради, ваших пропускать не будем. А ежели кто из ваших купцов пожелает торговать, то оставались бы в Селенгинске, и там бы торги свои отправляли; нашим же (китайским) калкаесам, евлуфям, арапам и хинцам, которые недалеко от границы наших живут, о том объявлено и опубликовано, дабы они с своими товарами ездили в Селенгинск и с вашими бы торговались».[6 с. 121]

Россия, занятая в то время Северной войной, не могла отвлекаться еще на вооруженный конфликт с Китаем, поэтому было решено пойти по пути дипломатии. В марте 1719 г. было организовано российское посольство в Китай, во главе с капитаном преображенского полка Л. Измайловым. При нем находились два секретаря Л. Ланг и И. Глазунов. Главной задачей посольства являлось восстановление торговли. Помимо этого, Измайлову был дан наказ:

«10) Что для прекращения несогласий и ссор, происходящих в Пекине между российскими и китайскими подданными, нужно дабы всегда жил в сей столице российский агент или консул, который бы мог россиян от всяких удержать непорядков.

12) Испросить у Богдыхана дозволение о постройке для приезжающих россиян в Пекин грекороссийской церкви и даче под оную земли, представляя в пример иезуитов, имеющих там римские монастыри».[6 с. 132]

По приезде в Пекин Измайлову был оказан пышный прием. Богдыхан принял российского посла 13 раз. Но, несмотря на все это, переговоры проходили долго и напряженно. Одной из основных причин недовольства

цинского двора было невыполнение Россией требований о выдаче Китаю 700 монгольских семей. В итоге, переговоры, длившиеся больше двух месяцев, зашли в тупик. После того, как стороны так и не пришли к соглашению, Измайлов был отпущен в Россию. На требование посла об ответной грамоте, китайским правительством было сказано, что: «от Богдыхана к иностранным государям грамот никогда они не пишут и обыкновения такого не имели, а посылаются только к подданным указы, и ежели ему, посланнику угодно, то напишут они указ». Измайлов, принять такое письмо и содержание онаго поняв, сказал, что с сего времени не будет уже он больше никаких принимать из Мунгальского Приказа писем».[6 с. 134] Как бы то ни было грубым содержание ответного письма, император все-таки оставил агента Ланга в Пекине и даже обещал ему содержание. В марте 1721 г. Измайлов отбыл в Россию.

Немногим ранее, в 1719 г. в Пекине скончался архимандрит Иларион, который проводил слуэбы для православных в Пекине. На его место было решено отправить священника в сане епископа Иннокентия Кульчицкого, «для отправления в Китае проповеди слова Божия и размножения православных восточного благочестия веры».[6 с. 141] В Пекин была отправлена рекомендательная грамота с прошением о пребывании Кульчицкого в Китае для отправки Божественной службы. Ответ пришел в сентябре 1722 г. «По указу богдыхановскому, господина Иннокентия Кульчицкого в Пекин пропускать не велено, для того что сибирскаго губернатора никакого об нем письма нет, и знака печати, данной измайлову, не преложено; особливо же, что о мунгальских беглецах и о делах, против посланнаго письма, ответа не имеют. И ежели об отдаче сих беглецов будет имянно розыск, тогда и о приеме помянутого Кульчицкаго будет совет и договор».[6 с. 148]

В ответ на это тобольский губернатор не пропустил в Россию нескольких китайских мандаринов и тибетских лам, которые хотели проехать на гору Саян-камень, где по слухам находится каменный идол, которому поклонялся сам Тамерлан.

Судя по переписке трибунала и губернаторства, цинское правительство было очень заинтересовано в возврате семисот монгольских семей. Китайцы беспристанно напоминали об этом и требования о возврате все более ужесточались. В итоге Коллегия Иностранных Дел постановила: что будут отправлены обратно в Китай, те мунгальские семьи, которые переселились в Россию после подписания Нерчинского договора, а те же, кто пришел сюда

раньше, остаются в России. Было решено отправить в Селенгинск нарочного, что бы он исследовал все досконально на месте.

Имелось еще одно обстоятельство, способствовавшее напряжению русско-китайских отношений. Непримиимый враг цинов контайша, «имел случай, через послов своих, снискать у Государя Петра I благоволение и защиту себе».[6 с. 149] Китайское правительство не замедлило с ответом. 8 мая 1722 г. Лангу было объявлено, что: «Богдыхан намерен от сего времени всю переписку и коммерцию с Россией пресечь, и никому впредь в китайском государстве российскому купечеству не быть; ни единого каравана в Пекин не пропускать».[6 с.149] Свои заверения об оставлении и содержании Ланга в Пекине, император забрал назад. Лангу с караваном было велено покинуть Китай. Помимо высылки Ланга и каравана из Пекина, началось активное заселение монголов на приграничной полосе с Россией.

Неизвестно как развивались бы события и дальше, но осенью 1722 г. умирает император Канси. Престол занимает его четверты сын Иньчжэн (Юнчжэн). Вопрос о перебежчиках решен, частично в пользу Китая, и новый император летом 1724 г. отправляет в Селенгинск своих представителей для заверения в вечном мире, с предложением Лангу вернуться в Пекин. Представители ставят вопрос об окончательном разграничении пограничных территорий.

Так как для России торговля оставалась главным пунктом русско-китайских отношений, а правительство Китая продолжало чинить препятствия для российского торга, летом 1725 г. было решено отправить в Пекин посольство для урегулирования спорных вопросов. Главой посольства был назначен действительный статский советник, Иллирийский граф Савва Лукич Владиславич-Рагузинский, в чине чрезвычайного посланника и полномочного министра.

С.Л. Владиславичу-Рагузинскому была дана инструкция с приложениями, которая состояла из 45 пунктов:

«8) В бытность его в Сибири, разведать ему о неразграниченных окольных Головиным местах, описав оныя с положением на карту и изъяснив, нужны ли оныя для России? О перебежчиках, об обидах и прочих старых и новых пограничных ссорах с китайцами.

13) Прибыв в Пекин, требовать о принятия себя по го чину, безо всякаго чести монаршей предосуждения.

- 14) Не допускать, чтобы в приеме его у Богдыхана какая-либо воспоследовала отмена противу посланника Измайлова, но стараться ему, яко чрезвычайному и полномочному министру, увеличить свою честь, ссылаясь на иезуитов, совершенно знающих, с какою честью Цесарь и другия европейския державы российских приемлют министров;
- 15) Сообщив китайским министрам копию с верующей грамоты, домогаться, дабы ответная на оную прислана была с ним без предосуждения чести Российской Монархии.
- 18) Предлагая им паче всего о взаимной свободе торгов, о пропуске и вывозе ежегодно разных товаров повольною ценою.
- 20) Для удержания российских купцов от всяких непорядков, дозволить остаться в Пекине российскому агенту или консулу.
- 21) На случай, ежели бы китайцы не склонялись на отправление коммерции за нерешением дел о разграничении и за не отдачею перебежчиков, представить им:
- 22) Что дело о перебежчиках кончено; ибо явившиеся по следствию 84 человека перебежчиков отданы уже в китайскую сторону, да и впредь таковые же отсылаемы будут.
- 23) В случае же усиленного китайцев домогательства об отдаче всех остальных перебежчиков, представить, что хотя в тех людях и никакой для России нужды нет; но оных возвратить непристойно для того, чтоб не нарушить мирнаго нерчинскаго договора.
- 28) Что хотя ни китайскому, ни российскому Двору нет пользы в отдаленных и пустых местах умножать свое владение; однако для спокойнаго обоих государств подданным пребывания, нужно прежде всего обоим Дворам иметь перед глазами описание, или достовернейшую всем неразграниченным землям карту, на которой основываясь, решительное учинить определение.
- 30) Ежели на примут, то подтвердить с обеих сторон разграничение, нерчинским договором учиненное.
- 33) Ни на какое упорное китайцев требование в уступке им российских селений не соглашаться, отзываясь неимением на то Высочайшего повеления.

37) Возстановление и утверждение в Китае российского купечества имея он за один из наиглавнейших пунктов его комиссии». [6 с.156]

Из пунктов этой инструкции видно, что приоритет России – это торговые отношения. Извещение о кончине своего супруга, Петра I Екатерина ставит аж 29 пунктом, тогда как вопрос о торговле стоит 18. Вначале списка ставится вопрос об императорских титулах и оказании своему министру достойных почестей. Россия встала на ноги и окрепла, теперь она уже вправе требовать должного к себе уважения.

Вопрос о границе с Китаем был для России второстепенным. Освоение земель Дальнего Востока еще не закончено. В наказе Рагузинскому об этом говорится. Ему сначала необходимо узнать, представляют ли эти земли интерес для России или нет, а потом уже действовать в зависимости от обстоятельств – уступать Китаю или нет. Главное не уступать территорий, которые уже были разграничены по Нерчинскому договору, и не отдавать земли с населенными пунктами, тут уже присутствует вопрос престижа державы.

Конечно, помимо основной инструкции Рагузинскому был дан и тайный наказ: осмотреть китайские города, их местоположение; по возможности узнать о численности войск и их вооружении; собрать топографические сведения; разузнать внешнеполитическое положение Китая – имеет ли еще с какой страной границы, находится ли с соседями в дружбе или в состоянии войны.

От Коммерц-коллегии послу был свой наказ. Вернуть агента Ланга обратно в Пекин и добиться его оставления, расширить его полномочия. Спросить разрешения иметь агенту или консулу своих людей, которые он мог бы посылать в другие города страны. Добиться у императора привилегии на российскую торговлю. Если раньше количество караванов и их численность строго регламентировалась (один караван раз в два года), то сейчас в наказе послу было велено добиваться разрешения свободной беспошлинной торговли и свободного перемещения по стране.

Владиславичу-Рагузинскому было наказано собирать сведения коммерческого характера, а именно: «Разведать, какие из русских или иностранных товаров больше бывают в расходе в Сибири? Какое с мунгалами можно иметь купечество? Какой там вес, мера и монета употребляются? Чужестранных дворов купцы какие к китайским гаваням привозят и отвозят товары? А понеже китайцы всегда с японцами торгуют,

надлежит, как возможно, об японском торге и об оном государстве подлинно уведомиться; ибо когда из России будут рекой Амуром ездить, то, наверно, из всех торгов российских сей торг будет прибыльнейший, а особливо ради малых убытков и безопасности в езде, в провозе своих товаров и в вывозе других».[6 с.163]

Помимо Владиславича-Рагузинского и его свиты к поездке подготовили и межевых комиссаров. Они должны были выехать на границу для разграничения территорий возврата перебежчиков. Комиссарам также были даны пространные указания о действиях на месте. И предписывалось: получить все сведения, касающиеся пограничных территорий; узнать на какие земли сейчас претендуют китайцы, нужны ли эти земли России и почему они не были разграничены ранее; спорные земли обязательно нанести на карту и передать ее гр. Рагузинскому; после описания неразграниченных территорий, начать их разграничение вместе с китайскими комиссарами.

Кроме того, на границу был отправлен полковник И. Бухольц. Ему надлежало проверить состояние пограничных городов и крепостей и если где это требовалось укрепить или заново отстроить их. В распоряжение Бухольца направлялся один гарнизонный пехотный полк и рота драгун. Полковнику также надлежало следить, чтобы китайцы своевольно не занимали российскую территорию. Делать это рекомендовалось мягко, обходиться без конфликтов, войска использовать лишь для устрашения.

Вывод.

В междоговорной период важную роль в отношениях между государствами играют посольства двух стран. Россия периодически направляет своих послов в Китай для урегулирования вопросов торговли. Китай в первые за свою историю отправляет свое посольство к калмыцкому Аюк-хану, которое с разрешения Петра I проезжает через Россию. Дипломатический обмен на время сглаживает обстановку. Но ситуация постепенно накаляется: Китай не прекращает требования о выдаче перебежчиков, он использует свои рычаги давления на Россию – препятствие в торговле. Россия пытается решить вопрос мирным путем. Уже назначена комиссия для разбирательства и возврату беглецов. Китай в это время начинает действовать все активней. В Пекине во время торгов с Россией власти проводят акцию – за бесценно распродают императорскую пушнину, тем самым опустив цены на товар русских купцов ниже себестоимости. Караван вынужден понести огромные убытки. Частные русские купцы на территории Китая и Монголии подвергаются грабежам и разбоям. В итоге

цинское правительство выносит полный запрет на торговлю с Россией. Все это послужило тому, что началась активная подготовка к решению накопившихся проблем. С российской стороны в Китай было направлено посольство графа С.В. Владиславича-Рагузинского для установления русско-китайской границы и урегулирования торговых отношений.

БУРИНСКИЙ ТРАКТАТ И КЯХТИНСКИЙ ДОГОВОР

О предстоящем посольстве китайскому правительству сообщили заранее. Поэтому на границе у реки Бура гр. Рагузинского уже ожидали два высокопоставленных китайских сановника, один из которых был дядей императора, первый министр Лонготу. Порешили одного из чиновников оставить на границе (им оказался Лонготу) для разведывания территорий и нанесения их на карту. А со вторым чиновником 2 сентября 1726 г. посол выехал в Пекин. Во всех городах, которые они проезжали, везде был оказан пышный прием с пушечными залпами. В Пекине их встречала пехота и конница, с ружейною стрельбой. Торжественный прием продолжался десять дней.

После аудиенции у богдыхана начались тяжелые переговоры. В переговорах принимали участие посол России гр. Владиславич-Рагузинский, с китайской стороны три верховных министра, президенты приказов Разрядного, Посольского, Военного. Президентом Военного приказа был тот самый Тулишэнь, который в 1712 – 1714 гг. находясь в китайском посольстве к Аюк-хану, проехал через Россию и составил о ней путевые заметки, названные «Путешествие на край света». Больше полугода продолжались конференции, следуя одна за другой. «Сии конференции, коих числом больше тридцати было. – Двадцать проектов о мирном договоре предлагает и столько же раз за каждую онаго договора статью ссорились словесно и письменно: старалась одна сторона перед другою доказать лучше свою справедливость в домогательствах и притязаниях своего государства».[6 с.167]

Много было упреков и взаимных претензий. Наконец, Рагузинский поставил китайским министрам ультиматум, что если они не ответят на грамоты Ее Императорского Величества и не удовлетворят все требования России о мире и торговле, то уже сама императрица будет решать «содержать ли впредь мир, или об ином думать. Ибо от их стороны все нарушено и опровержено».[6 с.172]

После такого заявления министры согласились рассмотреть требования России. Было получено согласие на содержание русской

духовной миссии и постройки церкви. Но согласие это было на словах, а в договор этот пункт не хотели включать.

Россия добивалась свободной торговли в Китае, чтобы купцы могли беспрепятственно передвигаться по всей Поднебесной, а не только в Пекине и осуществлять свой торг. Со стороны китайского правительства об этом не могло быть и речи. Было решено организовать на границе, в двух пунктах, места для торгов. А так как торги будут осуществляться на границе, то вопрос о наличии российского консула в Пекине отпадает. «Никогда у них не было ничего подобного, и постараются не допустить и впредь».

По поводу переписки между императорскими дворами, тоже китайцы никак не шли на уступки – их императору нет равных. И если он отправляет послание, то это может быть только указ «сверху на низ посылаемый». Рагузинский никак не мог с этим согласиться. А по тому был найден компромисс – всю переписку вести между Лифаньюанем и российским Сенатом.

Когда дошла очередь до вопроса о пропуске в Пекин курьеров, выяснилось, что нечистые на руку воеводы, отправляли в Пекин курьеров не ради государственных дел, а из своих корыстных побуждений. Министры опасались, что такие нарушения могут приобрести законную силу. Рагузинскому пришлось применить свое красноречие, чтобы убедить китайцев о недопущении более таких случаев. Впоследствии в своем донесении граф Владиславич сообщил, что «посольства наши и потому теряли цену в глазах Китайского двора, что пограничные начальники, из своекорыстных видов и собственных своих прихотей, посылали экспедиции в Китай под видом посольства, так что в Пекинском архиве записано после Нерчинского трактата более пятидесяти послов и посланников, тогда как их было в сущности всего четверо: Спафарий, Исбрант, Измайлов и он Владиславич».[28 с.179]

Для решения вопроса о границе китайцы подготовили большую ландкарту, «на которой прилеплены были красные бумажки, служившие знаками, куда иметь быть проведена граница, уверяя посланника, что сам богдыхан велел быть границе по тем знакам. Знаки эти были так далеко внесены в Российские земли, что округа Нерчинский, Селенгинский, Удинский и Тункинский не токмо притеснены, но более половины их должна была остаться в Китайском

владении. Они требовали всех земель, которыми после Нерчинского договора Российские подданные от Монголов завладели и всячески старались сочинить пограничный трактат и р. Ангару поставить границею».[28 с.179]

Следуя своей линии, Рагузинский отказался решать вопрос о границе, пока они не придут к соглашению по остальным пунктам договора. Министры предложили ему составить свой вариант договора, что сразу и было сделано. Вариант российского договора был отвергнут по всем пунктам. Тогда министры предоставили послу свой вариант, сказав, что его составил лично император, надеясь, что это убедит Рагузинского принять его. «Проект сей столь коварно был написан и с толиким для Империи Российской вредом, что по оному должно было немалое число Сибирской губернии от России отторгнуть, великаго множества ясачных иноземцев лишиться и гораздо вящий понестъ убыток, нежели каков при нерчинском воспоследовал договоре».[6с.192]

После того, как Рагузинский отверг этот вариант договора, китайцы начали его запугивать, грозя уморить голодом, тюрьмой или выгнать в степь, где бы все посольство погибло от холода. Посол был даже вынужден переплавить свой серебряный сервиз, для того, чтобы иметь на всякий случай средства на возвращение в Россию. Угрозы на Рагузинского не подействовали. Он прекрасно осознавал, что угрозы это всего лишь тактика цинского двора и император не пойдет на открытую конфронтацию с Россией. Позже, в своем донесении в Коллегию иностранных дел, он писал: «И по видимому китайский двор к войне не склонен, хотя и поступают гордостью и обманом, рассуждая, что Российское империиум для коммерчества во всем протчем им не откажет».[2 с.37] «Государство Китайское не в такой силе, как почитается и как многие историки их возвышают. Я имею полную информацию о их состоянии и силах как морских, так и сухопутных. С контайшею не помирились, ибо они не дают завоеванных городов от контайши. А контайша без того не мирится».[2 с.39] Позже это подтвердилось тем, что когда посланник, находясь еще в Пекине сильно заболел, Богдыхан отправил трех своих докторов для его лечения.

Наконец, Рагузинский предоставил проект договора, который китайские министры согласились принять. Теперь осталось прийти к

соглашению о территории. Для этого, было решено отправиться на границу, и там, на месте все обсудить. Одобренный сторонами договор, состоящий из 10 пунктов остался в Пекине. На реку Бура выехал сам Рагузинский, министр Тулишень и мунгальский князь Церен Ван. Министр Лонготу оставался там и ждал их возвращения.

Подъезжая к границе Рагузинский отправил вперед секретаря Глазунова :

«1) дабы он пограничных жителей, бдящих неусыпно о предосторожности границ, а паче иноземцев уверил и ободрил, что монгольские владельцы напрасно их устрашают, будто Российский Двор отступится от них и передаст их в руки китайскому государству;

2) дабы согласно с комиссаром Колычевым приготовил все нужное к разграничению; внушил бы пограничным жителям, дабы они жили не оплошно и были бы готовы, смотря по обстоятельствам к миру и обороне».[6 с.197]

Также было направлен указ о строительстве крепости на границе. Для этого туда был направлен полковник И.Д. Бухолц с полком солдат. В донесении полковника сказано: «О бытности нашей в Сенгинску с полком и строении крепостей доношение послано из Селенгинска во оную Государственную коллегию... А в оном доношении показано, что в Чикойской Стрелке крепость начата строить мая с 16 числа 727 году, а когда она крепость достроитца или другая крепости по приказу действительного стацкого советника и чрезвычайного посланника и полномочного министра, иллирийского графа Савы Владиславича показаны будут строить, и где и при каких местах, или в походе будем, о том во оную Государственную коллегию доносить не умедлю».[2 с. 111]

Имея горький опыт общения с цинскими министрами, Рагузинский настоял на том, чтобы место переговоров находилось на реке Буре, на самой границе, где были расположены русские войска, а не в урочище Субухтун, за 40 километров китайской территории, где цинские представители планировали проводить переговоры.

При подъезде на место разграничения Владиславич-Рагузинский отправил письмо С.А. Колычеву с указанием порядка встречи посла. «А когда со мною встретитесь, тогда поздравляйте афицеры с нагими

шпагами и з барабанным боем бес стрельбы. Ежели лошади очень пужливые или при роте нет барабана, то и барабанный бой отставить.

И велеть каждому быть в совершенной готовности и до ела (чего не дай боже), хотя и все кажется смирно и благополучно, однакож прикажите иноземцом, чтоб ехали в строю за ротою. А в лагере прикажите пехоте, чтобы меня, воздравить стрельбою из оружия тремя залфами тогда, когда я прибуду к вашему лагерю или прикажу своим адъютантам. И для бога прикажите, чтоб стреляли порядочно, бес конфузии, дабы китайские министры порядочную пользу слышали за лутчею честь ея императорского величества, нашей всемилостивейшей государыня и протчих причин».[2с.53]

По прибытию на р. Бура, на русско-китайскую границу, помимо секретарей российского посольства, был направлен и геодезист для составления ландкарты. «По прибытию в Аргуни, где последнее нынешнее российских подданных владенье, взяв у пограничных жителей скаски за руками с подтверждением о настоящем их владенье, не упоминая старины, и записать урочища, реки и протчее, и внести в ландкарту, и спрашивать, не приблизились ли мунгальские владельцы с прошлого году. И ежели приблизились, запиши подлинно, сколько верст и от какого до какого урочища».[2с.63]

И снова начались длительные прения и жаркие споры. Китайцы настаивали на территории к западу, до Красноярска, где находились соленые озера и были богатые промыслы пушнины. Территориальные требования китайских министров были весьма далеки от реальных. Китайцы делали упор на то что земли восточнее р. Аргунь это земли монголов, а Халха к тому времени находилась в зависимости от цинской империи, и следовательно Китай имел право на эти земли. «Когда в городе Нерчинском трактовалось о границе, правда, что говорено о реке Аргуне, но сие разумеется о стороне восточной той реки, и ничего не решено о стороне мунгальской, сторона же западная реки Аргуни есть подлинно старинная земля мунгальская, в которой от давних времен туды и сюды переносят их кочевание, праведно убо есть, что содержали свое древнее кочевье, вы же ныне приносите жалобы, что они вступили в ваши земли.

А места вышереченная, Чикой, Уда и Байкал, которыми вы ныне владеете, суть земли издревле принадлежащая мунгальцом, земли же ваши по ту сторону города Тобольска, а не по сю сторону

простирались. Вы Чикоем, Удою и Байкалом и другими подобными местами завладели, а жалуется, что мунгалы вашими землями завладели».[2 с.141]

Особенно старался министр Лонготу, который не смотря ни на какие доводы и убеждения, не желал идти на встречу русской стороне и препятствовал ведению переговоров. «Пограничные обоих государств жители, видя таковое между договаривающимися особами замешательство и споры, ожидали всечасно войны, и для предосторожности всегда находились вооружены».[6 с.210] Его упрямство и недальновидность стала очевидна уже и другим китайским министрам, поэтому Лонготу отослали обратно в Пекин. «в полночь 8 дня августа, приехав из Пекина, офицеры и вышеупомянутого гордого графа Лонготу взяли и за караулом в Пекин повезли с превеликим гневом, а за что, подлинно не ведаю, токмо отчасти слышал, что пртчие министры, бывшие с ним и со мною на Буре в конференции, слышав такие ево несносные запросы и мои гордые ответы, что я упоминаю часто, хотя и под прикрытием, о войне, которая китайцам зело противна, о тех лишних запросах на него, Лонготу, к хану писали, бояся, чтоб то действительно не было произведено».[2 с.116]

После удаления Лонготу переговоры сдвинулись с мертвой точки, и по прошествии двух месяцев стороны пришли к соглашению. Не последнюю роль здесь сыграл и один из монгольских князей, престарелый Тайша Галдан, который имел большой авторитет среди монгольской знати. Он давал Рагузинскому советы, передавал информацию о планах цинских министров, всячески способствовал русской стороне. К тому же «приход тобольского гарнизонного полка на границу, закрытие некоторых городов и мест полисадами, построение крепости на Стрелке (Чикойская крепость – прим. мой), верность подданных ясачных иноземцев, стоявших в добром ополчении на границе, и неусыпное посланников бдение произвели наконец то, что китайцы по многих спорах согласились 20 августа, постановить и подписать договор о границе».[6 с.212] Этот договор получил название Буринского трактата.

Буринский трактат определял: с северной стороны Кяхты России поставить караульное строение, а на южной стороне сопки Орогойте китайское, и между этими строениями разделить замлю пополам. Здесь же и будет место пограничного торга. С этого места послать для

разграничения других земель, комиссаров с обеих сторон. Граница шла по хребтам от Шабина Дабага до реки Аргуни – северная сторона России, а южная Китаю. «Обоих империй люди, которые кочевьями помешались, буде такие есть, праведно и подлинно рассмотреть, каждой к себе своих внутрь да разберет и установит, чтоб граница равномерно чиста была».[1 с.11]

После делимитации границы стороны назначили комиссаров, которые будут осуществлять демаркацию. С российской стороны на запад отправился стольник Колычев, с китайской – комиссар Бесыга Сек. А на восток послали секретаря посольства И. Глазунова и китайского стольника Хубиту. Комиссары должны были измерить границу верстами, поставить знаки, нанести все это на карту. Так же им рекомендовалось примечать удобные места для будущих крепостей.

Пограничные комиссары выехали 29 августа и в начале октября вернулись. Секретарь Глазунов, который разграничивал земли на востоке доносил: «что при размежевании им спорных земель, к великому Российской Империи прибытку, вершины реки Чикоя, где лучшие соболиные промыслы, близ 300 верст внутри российской границы остались; Соленое озеро, от котораго самородною солью вся провинция довольствоваться может, более ста верст заграничено; река Аргунь до самой вершины очищена; по всем урочищам знаки, то есть каменные маяки, от Кяхты до вершины Аргуни 63 поставлены; караулы по оным учреждены, и межевыми записью он разменился».[6 с.219] Колычев со своей стороны поставил, из-за труднопроходимых мест сумел поставить всего 24 знака. «Комиссары эти, в письменных постановлениях своих, означили все речки, озера, долины и степи, где должно быть пограничным знакам.

Знаки эти были сделаны для прочности из камня и имели в высоту по 2 сажени и поставлены с обеих сторон, Российской и Китайской, один против другаго, с высеченною на каждом Русскою и Монгольскою надписью, номером и названием урочища, чтобы нельзя было их тайно переносить с места на место... Владиславич составил с помощью геодезистов генеральную ландкарту, из разных чертежей, всей Сибири, Камчатке и р. Амуру».[28 с.184] В результате разграничения Россия приобрела дополнительные территории, которые не предполагал Буринский трактат.

После разграничения стороны оставались на своих местах, ожидая, когда из Пекина привезут основной договор. 13 ноября после привезли договор, подписанный министрами и печатью императора. Каково же было

изумление Рагузинского, когда оказалось, что текст договора был практически полностью переписан, и конечно не в пользу России. «все почти статьи онаго были исправлены, российской чести предосудительны, убыточны, написаны с гордостью и презрением. Император их назван царь над цари и монарх всея вселенная, а о чем он, посланник, в бытность свою в Пекине представлял, написано, будто он о том бил челом; реку Удь назвав старым своим владением, запрещали россиянам оною владеть, и ежели какое там имеется строение, оное разорить повелевали».[6 с.261]

Конечно, такой вариант договора Рагузинский не мог подписать. После очередных бесполезных переговоров, взаимных упреков и угроз, посол сообщил министрам, что через пять месяцев будет ожидать их здесь, на том же месте, с правильным, подписанным договором. В апреле 1728 г. новый, исправленный договор был привезен на границу. Этот трактат, с незначительными изменениями соответствовал ранее принятому в Пекине договору. Он был переведен Рагузинским на русский и латинский языки и отправлен обратно в Пекин за подписями и печатью богдыхана. Подписание затянулось еще более чем на месяц. В июне курьер из Пекина привез договор, и 14 июня 1728 г. гр. С.Л. Владиславич-Рагузинский его подписал. Этот документ получил название Кяхтинского.

Договор состоял из 11 статей. Первая статья содержала заверения сторон в вечном мире, вторая статья предписывала забыть все предыдущие конфликты из-за перебежчиков. «Сей новый договор нарочно заделан, чтоб между обоими империями мир крепчайший был и вечный, и от нынешняго дне каждое государство своими подданными имеет владеть и удерживать, и зело почитая мир, каждой имеет жестко своих собирать и крепить, чтоб никакого противнаго дела не могли возбудить».[1 с.17]

Третья статья определяла границы двух государств и содержала весь Буринский трактат. «От российского караулу строения, которое при речке Кяхте, и каменнаго маяку караулу китайского, которые суть на сопке Орогойту, между тех двух маяков земля лежащая разделена примерно пополам, и на середине поставлен маяк во знак разграничения и тут учреждено место купечества обоих государств. Оттуда посланы комиссары в обе стороны для разграничения. Обоих государств люди, которые от маяку караульного места, реченнаго Цаган-Ола, ездили до берега реки Аргуни, осмотра земли, которые суть за маяками мунгальскими, единогласно за границу причли, начиная от пограничнаго маяку, который поставлен границею между двумя местами, Кяхтою и Ороготу, идучи к западу по горам

Орогойту, Тымен-Ковиоху, Бичикту-Хошегу, Булесоту-Оло, Куку-Челотуин, Хонгор-Обо,, Янхор-Ола, Богосун-Ама, Гундзан-Ола, Хутугайту-Ола, Кови-Моулоу, Бугуту-Дабага, Екоутен-Шаой-Моулоу, Дошиту-Дабага, Кысыныкту-Дабага, Гурби-Дабага, Нукуту-Дабага, Ергик Таргак, Кензе Мада, Хонин-Дабага, Кемкемчик-Бом, Шабина-Дабага. По вершине сих гор учинено разделение посредине и за границу причтено».[1 с.18]

Четвертый пункт договора регламентировал порядок, сроки и численность русских торговых караванов в Пекине. Так же были определены два пункта пограничной торговли: недалеко от Нерчинска – Цурухайту, и на Селенгинской Кяхте. «будет свободное купечество между империями, и число купцов, как прежде сего уже постановлено, не будет более двухсот человек, которые по каждых трех летех могут приходиться единожды в Пекин. И кроме купечества между обоими государствами, еще на границах ради меньшаго купечества изберется удобное место при Нерчинске и на селенгинской Кяхте, где построятся дома и оградятся оградой или полисадом, как покажется».[1 с.18]

Пятый пункт разрешал России организовать в Пекине русскую духовную миссию. Предусматривалось нахождение четырех священников и шесть учеников. Для обучения языку. Шестая статья определяла порядок переписки между государствами. Переписка будет вестись не имени государя, а между Трибуналом (Лифаньюань) и Сенатом, либо сибирским губернаторством. Седьмая статья оставляет реку Уду и прилегающие к ней места неразграниченными, и оставляет этот вопрос на будущее. «На сие китайские вельможи говорили: когда императрица не приказала тебе о восточной стороне трактовать, мы не будем более принуждать, и между тем так принуждены оставить».[1 с.20]

Восьмая статья запрещает пограничным чиновникам затягивать рассмотрение и решение пограничных дел. В девятой статье описан порядок приема и содержание послов. Десятая статья о перебежчиках написана под влиянием китайской стороны. Жесткие и даже жестокие меры наказания предусматривались за незаконное пересечение границы. В одиннадцатой статье – порядок размена договора и уведомления пограничных жителей.

Многие историки расценивают этот договор как дипломатическую победу Владиславича-Рагузинского. России вернулось часть территорий, утраченных при Нерчинском договоре. Ланг писал: «Первое: что она граница Российской Империи зело прибыточна и всему народу неизреченную радость принесла для вечнаго покоя и счастливаго владения не умершия славы.

Второе: что старая граница в каждом уезде, тому ныне тридцать лет, когда состоялся мирный договор между великим российским послом Графом Федором Алексеевичем Головиным и китайским послом Сонготу при Нерчинском, - была так далее в российской земле, что ныне россияне приблизились так далече в мунгальскую землю по всем уездам несколько дней хода, а негде и несколько недель, где ныне знаки пограничные благополучно поставлены и граница разведена с Российской Империи расширением».[6 с.344]

После переговоров с китайскими министрами у Владиславича-Рагузинского сложилось такое отрицательное мнение о всех китайцах, что даже в своем письме к капитану В.И. Берингу он счел нужным предупредить последнего: «Ежели по случаю или при пристани, или на мори увидите китайских людей или флот, и будут вас уговаривать, приятельски обнадеживая любовью и приязнию и что между обоими империи глубочайший мир и протчее, ваше благородие, ничему не верьте, понеже я таких людей неверных, трусливых, непостоянных и без веры и без души ни в каком народе не видел, храбрости и кавалерства, постоянства и разума совершенно не имеют, и вся их надежда в обмане и трусости обретаецца, и родной брат брату не верит, а русское имя и слышать не рады».[2 с.80]

И так, новый договор заключен, границы определены, регламент торговли тоже. Казалось бы все замечательно и в будущем можно ждать только положительного развития событий. Однако на деле сразу же произошло по-другому. Дело в том, что когда стороны достигли определенной договоренности и посольство Рагузинского выехало на границу для разграничения, в тоже самое время в Пекин был направлен русский торговый караван для торга.

По началу, караван был встречен дружелюбно, пекинские власти известили жителей, что приехали русские купцы с товарами. Когда же собрался народ, стража начала всех пришедших обыскивать и допрашивать: кто? откуда? для какой цели пришел? и т.д. В результате этого, никто, кроме бедняков сей торг не посещал. Товары испортились. Поэтому купцы решили выехать домой. Агент Ланг направил жалобу Трибуналу, от которого получил ответ, что они будут только рады, когда купцы и их представитель покинут страну. А посему надлежит им выехать не тогда, когда купцы решили, а на полмесяца раньше. Трибунал с Лангом отправил письмо

Владиславичу-Рагузинскому в котором сообщалось: «По прибытии в Пекин каравана, вскорости правильным и добрым порядком коммерцию Лангу мы позволили; только ж, за плохостию товаров и за жарким временем, мало купцов сыскалося». [6 с.228]

Вывод.

Кяхтинский договор стал очень важным моментом в истории русско-китайских отношений. С него начался новый этап развития как торговых, так и политических связей. Договор регламентировал русско-китайскую торговлю почти на целых сто лет вперед. Также он помог сгладить острые моменты, касающиеся переписке между императорскими дворами. Это еще не чистое признание китайского императора равным российскому, но уже большой шаг вперед в этом направлении. Стороны пришли к компромиссу, и переписка велась от имени Трибунала и Сената. Буринский трактат в тот период решил пограничный вопрос, который после присоединения Халхи к Китаю стоял очень остро. Неразграниченные территории на востоке дали повод вернуться к разграничению тогда, когда геополитическая обстановка благоприятствовала России.

РУССКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 30-е – 50-е ГОДЫ XVIII ВЕКА

Итак, Кяхтинский договор подписан, стороны уверили друг друга в вечной дружбе. Показателем дружбы со стороны Китая было то, что летом 1729 г. из Пекина в Россию было направлено первое в истории Китая посольство в европейскую страну. Официально посольство выехало для того, чтобы поздравить императора Петра II с вступлением на престол. Но, если посмотреть повнимательней, то за отправкой этого посольства можно увидеть и двойной смысл.

Дело в том, что уже несколько лет до этих событий Китай находился в состоянии войны с Джунгарией. Это обстоятельство сыграло свою роль и при заключении Кяхтинского договора – Китай в этот момент не мог идти на вооруженный конфликт, мало того, Россия нужна была Китаю как союзница, в борьбе с джунгарами. Поэтому цинское правительство не стало до конца отстаивать свои позиции, и договор был подписан.

Китай отправил к российскому императору посольство, но вместе с ними было отправлено и другое посольство - к калмыцкому хану, для поиска союзника в войне. Значит можно думать, что если бы Китай не нуждался в союзниках, то в принципе и не было бы посольства с поздравлениями. Еще один факт красноречиво указывает на отношение Китая к России – состав посольства. Было десять послов, все они высокого положения, знатного рода... Но, «По разведанию в Томске секретарем Бакуниным, из числа сих послов пятеро лишены были в Пекине, за преступление, своих чинов и посланы в Россию паки оныя заслуживать».[6 с.235] То есть, можно рассматривать послов как провинившихся ссыльных.

Российская сторона встретила послов со всеми почестями. Провожатого послам был назначен титулярный советник И. Глазунов. Ему было наказано – посольство, направляющееся к калмыцкому хану, не отпускать, а везти его, вместе с первым посольством в Москву. Что и было сделано. Прибыв в Москву, послы побывали на аудиенции императрицы Анны Иоановны.

Согласно Кяхтинскому договору вся переписка между государствами велась через Трибунал с китайской стороны и Сенат – с российской. Поэтому послание Трибунала послы отправили в Сенат, а на приеме у императрицы

устно передали предложение китайского государства, которое состояло из четырех пунктов:

1) так как китайское государство идет войной на Джунгарию, то по необходимости, китайское войско будет вынуждено пройти близ российских границ.

2) когда Китай победит Джунгарию, то из дружеского отношения к соседу, он может уступить часть завоеванной территории России, если ей это потребуется.

3) просьба принимать джунгарских перебежчиков и выдавать их Китаю.

4) просьба пропустить послов, отправленных к калмыцкому хану.

В своем ответе императрица подтвердила вечную мир с богдыханом, поблагодарила за предупреждение о движении войска, сказав, что это является проявлением дружбы и согласия. На предложение о захваченной территории – пожелала удачи богдыхану в его завоеваниях, но от земель отказалась. О беглецах она отозвалась так: что ежели кто из джунгар перейдет русскую границу, то местные власти будут следить за тем, чтобы находящиеся на территории России перебежчики не причиняли вред китайскому государству. А если у богдыхана с Контайшой действительно дойдет дело до войны, то перебежчиков можно выдать, но при заключении определенного соглашения. Отвечая на четвертый пункт предложения, императрица ответила, что раз уже это посольство приехало, то его проводят до калмыцкого хана и обратно, до границы с Китаем. Но на будущее, если потребуется связаться с калмыками, необходимо будет написать в Сенат, ибо калмыцкий народ находится в подданстве России и без ее соизволения ничего предпринимать не могут.

Еще, в своей ответной речи Анна Иоановна, упомянула торговый караван, который был выслан раньше срока из Китая и от этого понес большие убытки. А так как по Кяхтинскому договору установлена свободная торговля, и купцы могут находиться в стране, пока не распродадут свои товары. Ответ на послание об этом караване еще не получен от Трибунала, но российская сторона надеется, что со следующим караваном, которой уже готов к отправке, такое не случится. «Ея Императорское Величество указала вам объявить с дружеским требованием, дабы о всем том донесли Его Богдыханову Величеству, который, как надеемся, повелит в Российскую

Империю во всем по силе имеющагося трактата поступать и как ныне идущему из России каравану, так и впредь оным во время пребывания в Пекине в продаже, в мене и в покупке товаров и во всем прочем надлежащую свободу давать без определения срока и всякого препятствия то купечество отправлять, как того между обеими Империями взаимная соседственная дружба требует».[6 с.237]

Поздравив императрицу, китайское посольство отправилось в обратный путь. В Тобольске они дождались других послов, из калмыцких степей, и благополучно были отправлены в Китай. По пути китайцы выполняли указы своего правительства, а именно, вели тайные беседы со своими проводниками:

«1) о барабинских татарах, кои, живучи на российской земле, ясак платят и России, и зенгорцам: разве де их нельзя перевести к Иркутску или Саратову?

2) Сколь велика турецкая монархия? Как называется ее столица и можно ли туда через Россию отправить из Китая посольство? 4) зачем приезжали ко Двору зенгорские послы и зачем к Галдан Череню послан майор Угримов?»[6 с.238]

В 1731 году Богдыхан снова направляет в Россию два посольства. Одно для поздравления Анны Иоановны с вступлением на престол. Второе опять к калмыцкому хану. Маньчжуры надеялись уговорить брата контайши, принять китайское подданство и выступить на их стороне. Также китайцы хотели вооружить калмыков, чтобы они вместе с китайскими войсками выступили против джунгар. Для этого китайское посольство везло оружие на 88 подводах. Для цинского правительства было очень важно, чтобы российская сторона пропустила вторичное посольство к калмыцкому хану, поэтому они использовали своеобразный подкуп- в Россию китайским правительством было выслано подарков на 100 тысяч лан серебра, переводя на российские деньги – 130 тысяч рублей, якобы вознаграждение за сопровождение посольства.

Но не смотря на щедрые подарки, посольство к калмыцкому хану было задержано на границе. Иркутский вице-губернатор Жлобов, отговорился тем, что он не имеет права пропустить посольство через территорию России без разрешения Сената. Пусть китайская сторона направляет соответствующее прошение в Сенат.

Первый торговый караван, если считать от заключения Кяхтинского договора, вернулся в Россию с большими убытками. После нескольких жалоб и претензий с русской стороны Трибуналу, ситуация начала нормализоваться. Следующие караваны не испытывали такого притеснения со стороны цинских властей и даже торговали с хорошей прибылью. Это может быть объяснено тем, что в связи с внешнеполитическим положением, Китай не хотел ссориться с Россией и намеривался привлечь ее в свои союзники. Если по экономической линии все складывалось для России положительно, то тут возник фактор, опять накаляющий отношения между государствами.

Дело в том, что из-за агрессивной политики цинского правительства – «Богдыхан, приняв намерение главного своего врага, Контайшу (коего он малым и безсильным владетелем, по своей гордости, почитал), разорить до основания, не токмо определил в трехлетнюю против него войну до 300 тысяч войска»[6 с.253], началось массовое движение монголов. Кочевья монголов не только начали подвергаться набегам джунгар, еще и цинское правительство увеличило государственные поборы с них. «Ибо помянутые перебежчики в допросах сказали: что ушли они из китайского владения в российскую сторону для того, что прежде платили обыкновенную дань скотом и прочим, с начатия же войны с Контайшею, по ухоть их, не токмо всякими несносными поборами были отягощены, но напоследок всех их поголовно с женами и детьми, по приказу мунгальского жанжунвана, велено было выслать противу Контайши, на поселение в тамошня места».[6 с.253]

Чем больше разгоралась война, тем больше монгольских семей переселялось в российские пределы. Трибунал отправлял письма и жалобы в Сенат одно за другим. Российское правительство пыталось сделать что могло, но ситуация не улучшалась. Воеводам был направлен наказ без применения силы пытаться уговорить монголов вернуться в свои кочевья, убедить их, что Россия согласно договору не может их у себя принять. Все было напрасно. Ежедневно монголы переходили границу сотнями и отвечали, что пусть их казнят, но добровольно они в свои земли не вернуться, и если бы не Россия не выслала две тысячи юрт, то к этому времени уже перешло бы десять тысяч. Вице-губернатор Желобов докладывал в столицу: «А впредь, ежели Контайша больше потеснит китайцев, то нам перебежчиков, чтоб они не шли в российскую империю, удержать, по причине безлюдства, а их великаго числа, не можно, потому что мунгальская земля обширна и многолюдная, а российскаго на границе регулярного войска один пехотный полк и рота драгунская; военных же

тунгусов и братских мужиков, которые хотя и верно России служат, только с пять тысяч человек. И для того ежели мунгалы от Контайши увидят страх, тогда пойдут многими тысячами; да и теперь непрестанно спрашивают караульных российских: имеют ли они позволение их принимать?»[6 с.260]

Российское правительство, рассмотрев донесения из Сибири, а также жалобы от Трибунала на перебежчиков, отправило в Китай грамоту, в которой соглашалось, что бегство принимает массовый характер, но уверяло, что делает все возможное для возвращения беглецов обратно. Российское правительство попеняла Трибуналу за то что, монголы доведены до крайности и готовы понести лютую смерть, но не возвращаться обратно. И все это даже не из-за разорения и страха перед джунгарами, а из-за притеснения и «несносных отягчений» причиняемых китайским пограничным начальством. Российское правительство советовало усилить пограничные караулы со стороны Китая, укрепить заставы, и обещать им прощение, а не смертную казнь, за возвращение в свои земли.

Одновременно с грамотой Трибуналу Сенат отправил письмо тобольскому губернатору о соблюдении прежних указов, отправлять беглых монголов увещеваниями, а не силой. Одновременно с этим письмом был направлен в Военную Коллегию наказ об отправке в Сибирскую губернию регулярные войска. Расположить их по возможности ближе к границе, для наблюдения за китайцами, чтобы они при постройке своих укреплений, не переходили российскую границу и не притесняли местное население.

По прошествии года ситуация не менялась монгольское население продолжало переселяться на российские территории. Трибунал продолжал отправлять жалобы в Сенат. Судя по количеству жалоб, напрашивается вывод, что для Китая вопрос о перебежчиках оставался очень важным. Но на самом деле у цинского правительства тоже не было действенных средств для борьбы с беглым населением. Вдали от Пекина указы исполнялись ненадлежащим образом. «китайские начальники на границе не токмо не наблюдают, но еще подают своевольным немалый к побегу повод; ибо видя их, мимо себя идущих, и в малолюдстве, не останавливают, не хватают».[6 с.264]

После многочисленных жалоб с китайской стороны на перебежчиков, Коллегия Иностранных Дел отправила тобольскому губернатору приказ об отправлении в Нерчинск и Селенгинск «добраго и искуснаго» офицера, для наведения порядка. Следуя указу, из Тобольска на границу был отправлен капитан П. Порецкий, которому удалось взять ситуацию под контроль.

Эффективные действия Порецкого вызвали со стороны китайских властей много похвал. Богдыханом даже были отправлены на границу подарки за возвращение беглых. Обстановка на границе нормализовалась. Этому способствовало и то, что в 1735 г. китайский император заключил с контайши перемирие, оставив для надзора на джунгарской границе лишь небольшую часть войск. Набеги джунгар на китайских монголов прекратились как вследствие этого и массовое бегство.

Однако, в том же 1735 г. поднимается вопрос о неразграниченных территориях в районе реки Уды. Начались жалобы китайских властей, что пограничный столб упал несколько лет назад, и русские, пользуясь этим, промышляют ловлей соболей на китайской земле. Сената ответил Трибуналу, что разграничение территории отложено, «за неимением об оных землях подлинного известия».[6 с.281] А иркутскому вице-губернатору был отправлен наказ: неразграниченные земли изучить, описать и нанести на карту. Для этого необходимо найти ученого человека и связаться с тобольским губернатором и капитаном Берингом. После изучения этих земель отправить составленную карту в Коллегию Иностранных Дел.

В том же 1735 г. умирает богдыхан Юнчжэн, императором становится его четвертый сын (Хунли) Цяньлун. Молодому императору 25 лет и пока он проводит осторожную политику. Перемирие с джунгарами продолжается, большинство монголов находится в своих кочевьях, российскую торговлю не ущемляют. Временами происходят на границе стычки: то тунгус убив жену, скрывается на китайской территории, то в торговой Кяхте произойдет пьяная драка, но такие инциденты всегда случаются в людских отношениях. Переписка между Трибуналом и Сенатом ведется регулярно, при поступлении подобных жалоб, случаи рассматриваются, виновных – наказывают.

После реформ Петра I Россия становится европейской державой и поэтому ее все больше тяготит средневековый китайский церемониал. Российские представители все чаще отказываются выполнять его (хотя бы часть). Так, например, Ланг не одинажды перечил цинским министрам. Когда чиновники требовали сначала отдачи подарков раньше аудиенции у богдыхана, а не во время нее, и грозились задержать торг, Ланг пригрозил, что развернет караван покинет Пекин. Угроза возымела действие и чиновники уступили. В другую свою поездку с караваном, Ланг отказался выполнить ритуал при передаче подарков богдыхана русской императрице. Ему надо было держа в руках ритуальную чашу, обратясь к воротам и стоя на

коленях совершать поклон. Дерзко ответив министрам, что они этого не делали, когда он подносил подарки богдыхану от своей императрицы, а значит и он этого делать не будет. Уже в 1743 г. курьер Шокуров привез в Пекин грамоту, извещающую, о кончине Анны Иоановны и вступлении на российский престол Елизаветы Петровны. Богдыхан собирался отправить поздравление и подарки с Шокуровым, но это выглядело бы как снисхождение, от высшего к низшему, поэтому Шокуров наотрез отказался принимать подарки, объясняя это отсутствием на то разрешения Сената. В течение месяца от него добивались принятие подарков, но тщетно. Еще одна небольшая победа над китаецентризмом была одержана.

Вывод.

Таким образом, период от заключения Кяхтинского договора до середины XVIII века, можно разделить на два этапа. Первый – непосредственно от Кяхтинского договора и до середины 30-х гг. и второй соответственно – от 1735 г. и до начала 50-х гг. Первый характеризуется бурным развитием отношений. Война с Джунгарией заставляет Китай искать союзников, а Россия ключевая фигура в этом регионе. Поэтому, если не получится заполучить ее в союзницы, то хотя бы не портить с ней отношения, чтобы она сохраняла нейтралитет и Китаю не пришлось воевать на два фронта.

В вопросе о перебежчиках Россия честно старалась следовать условиям Кяхтинского договора, даже когда это было практически невыполнимо. В отношении войны Китая с Джунгарией, строго придерживалась нейтралитета. Сама не вмешивалась, и отказывалась делить шкуру не убитого медведя, и зависимым от нее калмыцким ханам настоятельно рекомендовала придерживаться той же линии.

После 1935 г. в русско-китайских отношениях наступило относительное затишье, Беспокойство причиняли мелкие пограничные конфликты, да духовная миссия в Пекине. В тот период дела миссии складывались не самым лучшим образом: то архимандрит окажется недостойным, и ведет себя непотребно сану, то ученики окажутся нерадивыми, и вместо гранита науки употребляют спиртное. Но все эти происшествия никак не могли повлиять на отношения на государственном уровне. И пока нет точки раздора между ними, отношения протекают относительно спокойно.

РУССКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Со второй половины XVIII века ситуация начала меняться. Серьезные изменения происходят в самом Китае. Благодаря новой налоговой политике 1720 г. отменяется подушный налог. Это приводит к небывалому демографическому росту. Быстро развивается производство. Китай набирает свое могущество. Начинается экспансия в соседние страны. 1757 г. победа над Джунгарией, 1759 г. – над Кашгарией. Менее успешными были войны с Бирмой и Вьетнамом. В результате завоевательной политики Китая, расширились его территории, а также увеличилась численность армии.

Дальневосточная политика России направлена на активное изучение и освоение земель, прилегающих к Охотскому морю. Но и торговля с Китаем не теряет своей актуальности. Для более полного исследования дальневосточных территорий в 50-х годах было решено отправить Вторую Камчатскую экспедицию под руководством В.А. Мятлева. Доставлять провизию и оружие всегда намного выгоднее речным путем, чем сухопутным, тем более в труднопроходимой местности. Поэтому было принято решение отправлять провиант по р. Амуру. «По сему Правительствующаго сената приказанию от него, губернатора Мятлева, к произведению той экспедиции в действо в такой силе представлено, что по способности текущих из Нерчинскаго уезда рек Ингоды и Аргуни, кои устьями своими впадают в реку Амур, лехко тою рекою Амуром на судах можно будет все российские гарнизоны по крепостям и острогам, лежащим по северо-восточным берегам, и всех по тем берегам живущих промышленников и обывателей, довольствоваться съестными припасы, коих де поставка за не способностью из отдаленных мест сухим путем весьма дорого становится».[3 с.35]

Российское правительство еще с 1753 г. намеревалось отправить посланника в Китай, с просьбой отправить в Россию официальное китайское посольство, чтобы Россия в ответ могла отправить свое в Китай. Второй вопрос о ходатайстве у цинского правительства разрешения свободного прохода по р. Амуру, для снабжения экспедиции. Но долгое время не

находилась подходящей кандидатуры для отправки в Китай. Наконец, в 1756 г. из Персии возвратился В.Ф. Братищев, которого сразу же сделали советником императорской канцелярии, и отправили в качестве курьера в Пекин. «Для такого требования надлежит в Пекин с листом по обычаю от Сената послать к китайскому Трибуналу прямо отсюда нарочного курьера. К чему за способнейшаго разсуждается полковник (Братищев), которой ныне в С-Петербурге обретается».[3 с.36] Вместе с Братищевым был отправлен поручик И. Якоби, сын селенгинского коменданта В.В. Якоби. Братищеву было дано пространное наставление, состоящее из 15 пунктов. Но главное, надо было решить четыре, первоочередных вопроса:

«1) Чтоб домогаться у китайского богдыхана о присылке посольства, взаимно которому и от Ея императорского величества также бы посольство отправлено туда было.

2) Чтоб изходотайствовать позволение от китайского двора для свободного проходу судам по реке Амуру с хлебом и другими припасами для гарнизонов и обывателей российских подданных, в крепостях и острогах по северо-восточным берегам находящихся,(дав при том знать министрам в случае упорных их возражений, что в семь деле толь великая России обстоит нужда, что хотя и без позволения от китайского двора, однако неминуемо будут приходить российская суда рекою Амуром с потребною от помешателей обороною для того, что нет инаго пути для провозу съестных припасов тем гарнизонам и обывателям).

3)Чтоб стараться о поправлении происходящих непорядков в пограничных делах между обоих сторон, о воздержании своевольных наездов и обид, в российских границах от мунгальскаго народа чинимых, и о учреждении для того с китайской стороны караулов в тех местах, где оных нет.

4) Чтоб склонить китайцов ко принятию и содержанию в Пекине российских учеников для обучения китайскаго и манжурскаго языков, так как оные напредь сего тамо содержаны были».[3 с.54]

Помимо официальных указов Братищеву был дан и тайное наставление: «Будучи в Китайском государстве везде, и особливо в Пекине, надлежит вам стараться пристойными способами разведывать:

1. О тамошнем состоянии и о числе войск,
2. Что происходит у китайцов с зенгорским народом и землею,

3. Примечать, как китайцы к российской стороне поступают и не имеют ли от оной какого в чем неудовольства, також какие тамо российские товары в лучшем почтении, и которые охотно и какую ценою покупаются».[3 с.55]

Миссия Братищева оказалась неудачной. Император наотрез отказался посылать своих послов первыми. Он даже не отверг предложение одновременных посольств. В судоходстве по Амуру тоже было отказано. В листе отправленному в Сенат говорилось: «у нас из веку того не бывало, чтоб когда-нибудь позволено было России провозить рекою Амуром хлеб свой, чего и ныне ни коим образом позволить невозможно, как для того, что в трактате о сем не упомянуто, так и для того, что при таком проезде легко может от непотребных людей повредится мирное согласие».[6 с.292] Иезуиты, которые переводили тексты послания, сказали потом русскому архимандриту Амвросию – «что пропускать оных судов не за иным чем не дозволен, как токмо за опасением и боязнию, дабы россияне, быв до сей реки допущены, не завладели оной, по примеру города Албазина».[6 с.292]

Кяхтинский договор обозначил места приграничной торговли: это непосредственно сама Кяхта и местечко Цурухайту, недалеко от Нерчинска. Так как для России торговля с Китаем имела очень важное значение, поэтому государство осуществляло непрерывный контроль над ней. Для получения наибольшей прибыли российское правительство давало четкие указания о продаже каких товаров и по какой цене: «Указ ея императорского величества самодержеца всероссийская в канцелярию даурского горного начальства попромемория Селенгинска генерал-майора ковалера Якоби. Которому объявлено что оного в Нерчинск и в Цурухайту поручику Курбатову и в таможду послан указ. Повелено ежели в день мяса свыше сорока копеек за пуд в таком случае продажа и пропуск за границу в Цурухайту и том форпосте скота и баранов запретить. Таможне поручено смотреть накрепко и буде состоять в сорок копеек то о пропуске оного скота за границу поступать тем командам по имянному ея императорскаго величества указа июля 3 числа 1762 года».[4] Важность ценовой политики государства подчеркивает то, что это был непосредственно именной указ Екатерины II.

Помимо рекомендуемых цен российская сторона взимала пошлину на товары, что являлось причиной недовольства со стороны Китая. Правительство Поднебесной добивалось отмены торговой пошлины в приграничных местах. Россия наоборот принимала все меры по пресечению беспошлинной торговли. Так, например, в 1769 г. в таможду Цурухайту был направлен приказ о разведывании мест, где может осуществляться

пограничная торговля: « По присланному нерчинской канцелярии мною полученному 2 числа ноября прошлого 1769, года указу велено при проводимом в цурухайтинской таможене о усмотренных повзятых в проезде посыланым отбывшаго полковника Кропотова для разведывания нет ли по нерчинской границе таких проездов которыми купцы не провозят ли товаров беспошлинно».[5] Крестьян, живших недалеко от границы доставляли в цурухайтинскую таможену для допроса: откуда у них китайский товар, где осуществлялась торговля, знают ли они людей, осуществляющих беспошлинную торговлю и тд.

В 50-х гг. в Джунгарии идет гражданская война. Мелкие князья борются за верховную власть. Один из джунгарских ханов Амурсана обратился за помощью к Китаю. Цинские правительство только ждало повод для вторжение на их территорию. В итоге Джунгария, как самостоятельное государство перестало существовать. Поняв это, Амурсана, с частью своих людей, бежал в Россию. Этот побег стал причиной длительного конфликта Китая с Россией.

Во второй половине XVIII в. становятся все более частыми приграничные стычки. Жалобы от Сената Трибуналу и обратно практически не прерываются. То русские люди напали на монгольское поселение и увели несколько сот голов скота, то монголы напали на русское селение и разорили его. Для решения этих проблем на границу с Россией, в Цурухайту, было направлено несколько цинских было высокопоставленных чиновников, но комендант Якоби, ссылаясь на отсутствие у него разрешения от Сената решать такие вопросы, отказался от переговоров.

В 1756 г. часть джунгаров, спасаясь от монголов, находящихся в китайской армии, бежали в Россию и приняли российское подданство. Монголы преследовавшие их, в своем погоне пересекли российскую границу. В ответ на это Россия выразила протест, ответствуя, что не выдаст беглых джунгар. В 1757 г., бежавший в Россию Амурсана, умирает в Тобольске от оспы. Об этом было сообщено русской стороной Трибуналу. Тело Амурсана было вывезено на границу с Китаем и приняты все меры для его сохранения. Позже на границу была отправлена часть китайского войска во главе великого советника Фуде, для опознания.

Казалось бы вопрос решен. Но китайская сторона начинает требовать, помимо людей Амурсаны, тело его самого. В последующих годах (1758, 1759 гг.) Трибунал без устали домогается выдать тело Амурсаны и его сподвижника Шереня. По началу Сенат давал объяснения и ответы на эти

требования Трибунала: «Во-первых о зенгорцах (джунгарах): что они, быв народ вольный и имея собственных своих владельцев, имели право от китайского на них нападения искать своего в России убежища... а потому, приходящие ныне в российское подданство зенгорцы приниманы быть имеют. Во-вторых и зайсане Омбо с сыном, что они под взятие под стражу, в Сибири оспой померли, а иные зенгорцы по переходе своем приняли христианскую веру и выданы быть уже не могут. В-третьих, что касается до выдачи Амурсанова тела, на сие во-первых для того поступить за благо не разсуждено, что китайцы, будучи учиненною им от него изменою крайне огорчены, не приминули бы не только при первом случае над костями его разнообразныя оказать ругательства и о том по всем границам публиковать, но и потом оныя на границе в вечное достопамятствие повесить могли бы, сделав при том на каменных столбах надпись, которая бы для здешней стороны была предосудительна. Наконец в червертых: что киргис-кайсаки всегда были и есть подданные российские; ибо еще в 1730 г. киргис-кайсацкий Абулхаир Хан с его родом и улусами присоединен к России; а по смерти его сын его Нурали пожалован на ханство от российского же двора с обыкновенными почестями, и в знак своей верности дал от себя аманатов; а равным образом в 1740 г. и Аблай салтан по прошению его принять в подданство российское и торжественную на то дал от себя присягу; следовательно и его, Аблая, принимать в китайскую сторону не надлежит».[6 с.309]

Требования Трибунала не прекращались на протяжении нескольких лет. Мало того, они становились все грубее и грубее. На некоторые из них Сенат даже не стал отвечать. В одном из листов, с очередным требованием возврата останков изменника, Трибунал пригрозил, что если Сенат не дает положительного ответа, то в следующий раз богдыхан сам напишет императрице. А так как согласно китайской доктрине богдыхан мог писать только своему вассалу, то было решено, такое письмо на границе не принимать, ссылаясь на то, что согласно договору вся переписка может происходить только между Сенатом и Трибуналом.

Еще одним камнем преткновения явились надолбы, сделанные русской стороной для борьбы с контрабандой, которая приобрела катастрофические размеры. В некоторых местах эти надолбы захватывали китайскую территорию. В 1759 г. Трибунал требовал эти надолбы снести и «довольствоваться своими землями». В 1761 г. цинское правительство извещало Сенат «о построении по южному берегу реки Аргуни шести караулов, снабдив оные надлежащим числом военных людей, и сие де с

китайской стороны учинить подали повод русские, построившие, начав от Кукудобо, по северному берегу Аргуни, своевольным образом на пустых местах свои караулы».[6 с.311]

В 1762 г. на российский престол вступила Екатерина II. Это был повод для отправки курьера в Китай. Выбор остановился на капитан-поручике лейб-гвардии И.И. Кропотове. Вообще готовилась поездка с извещением китайского императора, что начал царствовать Петр III, но не успели отправить посланника. В секретной инструкции Кропотову наказывалось убедить цинское правительство, что Россия отправит знатное посольство для подтверждения вечного мира, но только с тем условием, что аналогичное посольство прибудет и в Россию. Еще наказывалось ни в коем случае не принимать подарки – если хотят, пусть отправят со своим посыльным.

В Китае посланник был встречен холодно. Передав Трибуналу сообщение о вступлении Екатерины II на престол и сообщив на словах, что было необходимо, Кропотов ждал ответа в Сенат. Но чиновники уже отправили его с курьером на границу. В ответе о после сообщалось: «что Российская Императрица намеревает ко мне прислать посла с поздравлением, то из того я усматриваю сильное и доброе ко мне ея усердие; а с моей стороны, пошлю ли или не пошлю в Россию посла, после разсмотрю. К сим словам прибавил Трибунал от себя следующее: вы не правы, что спрашиваете прежде у нас, пошлем ли мы к вам посла, или нет? Почему и ответствовать вам на то не должны».[6 с.320]

В этом же ответе Трибунал писал: «как Китайская Империя час от часу увеличивается идущими под ея державу народами, то: и Российское государство ежели бы следуя здравому разуму в произвождении дел поступало и учинилось бы Китайской Империи послушным, то бы Богдыхан принял в разсуждение такой России склонный поступок, явил бы ей благодаяние, и не оставил бы». В заключении цины грозились весь торг на Кяхте прервать, а русскую духовную миссию выслать из Пекина.

Весной 1764 г. цинское правительство выполнило свою угрозу. Из Маймайчэна все китайские купцы были высланы, а под видом караула введено войско монголов. В 1765 и 1766 гг. Трибунал продолжал отправлять в Сенат письма оскорбительного содержания, которые последний игнорировал. В 1767 г. из Китая на границу отправлены пять китайских чиновника, для урегулирования вопросов на месте. Все-таки Екатерина II не хотела доводить дело до военного конфликта, да и из-за остановки торговли Россия теряла свою прибыль. Поэтому на границу, для встречи с китайским представителем

был назначен уже полковник И.И. Кропотов. Кропотову было поручено приехав на место разобраться все пограничные дела и споры. При принятии решения, он должен руководствоваться советами Якоби.

18 октября 1768 г. была подписана «Дополнительная статья к Кяхтинскому трактату о режиме русско-китайских границ». Этот договор целиком подтверждал Кяхтинский, за исключением 10-ой статьи. В ней были прописаны место и порядок расследования пограничных нарушений. «Командиры должны на то место съехаться и обще изследовать, изследовавши, донести пограничным правительствам, правительства должны послать от себя искусных людей чинов не малых».[1 с.22] Также прописаны меры наказания за то, или иное преступление. «Покраденное (лошадь, скотину или вещь) отдать тому, у кого украдено; и еще по первой краже платить за одну долю пять доль, по второй краже за одну долю десять доль, а по третьей осудить вора того, как разбойника».[1 с.23] Помимо вышесказанного статья предусматривала ответственность должностных лиц за свое бездействие или халатное отношение к своим обязанностям. «А если начальник с военными до прошествия срока вора не сыщете, то с него и с военных ево за нерадение доправить за одну долю пять доль».[1 с.23]

Договор 1768 г. предписывал все задолбы убрать и закрепить границы по Кяхтинскому договору, отменял торговую пошлину в Кяхте и Цурухайту, аннулировал все предыдущие претензии сторон касательно перебежчиков: «вследствие сего постановленные российскими людьми на местах у Бургутейских гор, у Бицикту Хошоу с прочими, надолбы сломаны, и определено быть границе по хрептам гор, не брать на торговых двух местах, на Кяхте и Цурухайте пошлину вечно как в трактате заключено. Все до сего времени между обеими сторонами бывшие старые дела преданы молчанию, и убежавших перебежчиков уже не требовать».[1 с.24] Это давало шанс начать отношения между государствами с «чистой страницы».

Хорошим отношениям суждено было испортиться уже через три года. Китай отказался от выдачи калмыком, перебежавших, с российской территории. Споры возникали и из-за несоответствия наказания совершенному преступлению. В России нет таких жестоких законов как в Китае. В 1773 г. с российской стороны поймали китайских перебежчиков. Наказали виновных палками и сослали в отдаленное место. Узнав об этом китайские власти начали требовать выдачи беглецов и их смертной казни. На отказ российской стороны Трибунал опять прибег к оскорблениям и угрозам.

Угрозы о закрытии торгога были приведены в действие в 1785г. Торговля России и Китая прекратилась на семь лет.

В 1792 г. после многочисленной переписки, Китай пошел на сближение с Россией и был заключен «Международный акт о порядке русско-китайской торговли через Кяхту». Договор разрешал и регламентировал Кяхтинскую торговлю. Так же были внесены изменения в порядок и меры наказания. Это договор как нельзя лучше показывает китаецентричную модель. Он весь признан высокомерием и надменностью. «Великий святейший государь, милосердствуя единообразно о всех живущих и в разсуждении благосклоннаго прошения от российского Сената, низпослал милостивый указ о открытии торгога».[1 с.24] По этой преамбуле никогда не скажешь, что это равноправный договор двух держав. Но так как , на протяжении всего времени отношений с Китаем, для России в первую очередь была важна торговля, поэтому и пришлось ей пойти на такие уступки.

Вывод.

С одной стороны вторая половина XVIII века проходит довольно гладко – нет вооруженных конфликтов с соседом. Но с другой стороны, на мой взгляд, в этот период усиливается китаецинтризм. Возможно это зависит от самой личности императора. Васильев В.П. писал: «в это время царствовал тщеславнейший китайский государь Цянь-Лунь, победитель цзюнгаров, усмиритель горцев; он хотел, чтоб все народы преклонялись пред его троном и чувствовали его могущество. Россия, казалось ему, не была достаточно почтительна к его богдыханскому величеству, потому что не присылала посольств, потому что, будучи соседом, не была вписана в число данниц».[9 с.82] Во второй половине XVIII века Китай на вершине своего могущества, но Россия нив чем Китаю не уступает, да еще и перечит ему. Перейти к военным действиям цинское правительство не решается. Единственный рычаг давления на непокорного соседа – это торговля. Поэтому, как только Китай чем-то недоволен, он сразу запрещает торговлю с Россией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, на основе изученного материала можно сделать следующие выводы:

1. Российско-китайские отношения определялись системой факторов, главными из которых были торгово-экономические для России и внешнеполитические для Китая. Активность отношений определялась состоянием государственной экономики и наличием у государства средств, для ведения активной внешней политики.

Для Китая был очень важен пограничный вопрос, который во многом осложнял взаимодействия с Россией. Как только у Китая появлялся дополнительный ресурс, так сразу увеличивались претензии по отношению к приграничным территориям и населению, проживающему там. У Китая был безотказный рычаг воздействия на Россию – запрет торговли. Ради экономической выгоды последняя шла на территориальные и политические уступки. В 50-х гг., когда для России необходимо было открыть судоходство по Амуру, можно было об этом не спрашивать китайскую сторону (низовья Амура оставались неразграниченными). Но она, чтобы не испортить отношения, все-таки отправила посланника для ходатайствования о судоходстве.

2. Отличительная черта русско-китайских договоров, то, что они всегда заключались в приграничной зоне, отсюда и названия – Нерчинский, Буринский, Кяхтинский. Решение каких-либо серьезных проблем тоже проходило на границе при участии дипломатов двух стран. Торговля, по настоянию китайской стороны, также была перенесена в пограничные районы – Кяхта, Цурухайту.

Еще одной отличительной чертой было то, что в русско-китайских договорах были пункты как положительные, так и отрицательные для каждой страны. Например, нельзя утверждать, что Нерчинский договор был полностью неравноправный по отношению к России. Да она потеряла часть ранее освоенных территорий – Китай добился своего – отодвинул границы по возможности дальше от Пекина и Маньчжурии. Но зато 5-ая статья договора предусматривала свободную торговлю на территории обоих государств, что для России это было крайне важно, а Китай со своей политикой изоляции шел ей на уступки.

Кяхтинский договор вернул часть земель России, а Китай добился перенесения торговли на границу. Выдача перебежчиков для Китая важна, а для России дополнительные заботы, но статья 10 закрепила положение о беглецах. Опять можно наблюдать взаимную уступку. Россия добилась, чтобы в Пекине всегда находилась Русская Духовная Миссия. Такая уступка была сделана только России.

Договор 1768 г. предписывал забыть все прошлые противоречия. Т.е. Китай был готов забыть большое количество джунгар, перешедших на российские территории. Но зато жестокость наказания по этому договору было продиктовано китайской стороной.

Договор 1792 г. был составлен в унижительной для России форме. Но зато, Китай опять был готов забыть прошлые противоречия и разрешил торговлю – чего Россия и добивалась.

3. Практически все сферы русско-китайских отношений несли в себе черты противоречия. Но Россия и Китай никогда не были в состоянии объявленной войны. Они всегда решали вопросы мирным путем, с помощью дипломатии.

Динамично развивающаяся Россия, которая пытается освоить все мировые достижения – экономические, политические, культурные. И традиционный, феодальный Китай, который казалось, застрял в прошлом. Беспокойный молодой сосед постоянно тревожит, раздражает Китай, но избавиться от него уже невозможно. И хотя уже к концу XVIII века российские посланники все чаще и чаще отказываются выполнять вассальный ритуал, но он еще присутствует в церемониях и поэтому формально Россия, ставшая одной из ведущих европейских держав, считается вассалом китайского богдыхана.

Две страны, географически находящиеся рядом друг с другом, всегда будут взаимозависимы. Это хорошо видно на примере России и Китая. Во время войны с Джунгарией, Китай был заинтересован в России, ему необходимо было знать, какую позицию она займет. Для этого, перешагнув свою гордость, Китай направляет посольство в Россию. Позже интересы Пекина и Петербурга сталкиваются в Средней Азии. Для России необходимо развитие своего восточного региона и без Китая тут было не обойтись.

На протяжении всего рассматриваемого периода отношения между Россией и Китаем оставались равными. Конечно были взлеты и падения,

временами ситуация становилась близкой к критической, (например, период перед заключением договора 1768 г.). Но правильная оценка ситуации помогала найти нужный подход и сторонам удавалось находить совместное решение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРА

ИСТОЧНИКИ

1. Русско-китайские отношения. 1689-1916. Официальные документы/ ред. Мясников В.С. – М.: Восточная литература, 1958. – 142с.
2. Русско-китайские отношения в XVIII веке. Документы и материалы. Т. III: Русско-китайские отношения. 1727 – 1729/ отв. ред. С.Л. Тихвинский. - - М.: Памятники исторической мысли, 2006. – 544с.
3. Русско-китайские отношения в XVIII веке. Документы и материалы. Т. VI: Русско-китайские отношения. 1752 – 1765/ отв. ред. С.Л. Тихвинский. - - М.: Памятники исторической мысли, 2011. – 429с.
4. Фонд 31 Читинский Областной государственный архив ед. хр.46 л.1
5. Фонд 31 Читинский Областной государственный архив ед. хр.46 л.121
6. Бантыш-Каменский Н. /Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год/ Н. Бантыш-Каменский. – Казань.: Типография Императорского Университета, 1882. – 580с.
7. Миллер Г.Ф. /Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих/ Г.Ф. Миллер. – СПб.: при Императорской Академии Наук, апрель 1757.
8. Орлов И. /Новейшее и подробнейшее историческо-географическое описание Китайской империи. Часть первая/ И. Орлов. – М.: В Университетской Типографии, 1820. – с.
9. Орлов И. /Новейшее и подробнейшее историческо-географическое описание Китайской империи. Часть вторая/ И. Орлов. – М.: В Университетской Типографии, 1820. – с.

ЛИТЕРАТУРА

10. Александров В.А. /Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина 17в.)/ В.А. Александров. – М.: Наука, 1969. – 240с.
11. Васильев В.П. /Открытие Китая и другие статьи/ В.П. Васильев. – СПб.: Вестник всемирной истории, 1900. – 174с.
12. Гумилев Л.Н. /Поиски вымышленного царства/ Л.Н. Гумилев. – М.: ГРВЛ, 1970. – 432 с.

13. Дацышен В.Г. /История русско-китайских отношений (1618 – 1917 гг.): учеб. пособие/ В.Г. Дацышен. – Красноярск.: РИО ГОУ ВПО КГПУ, 2004. – 230с.
14. Дацышен В.Г. /Очерки истории российско-китайской границы во второй половине XIX – начале XX вв./ В.Г. Дацышен. Тыва.: Республиканская типография, 2000. – с.
15. Дацышен В.Г. /«Кяхтинский трактат 21 октября 1727 г.»: проблемы текста и датировки/ Общество и государство в Китае. Т XLVII, ч.1. – М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН), 2017. – 742 с.
16. Дацышен В.Г. Чегодаев А.Б. /Архимандрит Петр (Каменский)/В.Г. Дацышен, А.Б. Чегодаев. – М.; Гонконг.: Братство святых первоверных апостолов Петра и Павла, 2013. – 360с.
17. Демидова Н.Ф. Мясников В.С. /Первые дипломаты в Китае. «Роспись И. Петлина и статейный список Ф.И. Байкова/ Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников. – М.: Наука, 1966. – с.
18. Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений/ под ред. С.Л. Тихвинского. – М.: Мысль, 1982. – с.
19. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма (XVII в. – февраль 1917 г.)/ отв. ред. Крушанов А.И. – М.: Наука, 1991. – с.
20. История Китая/ под ред. А.В. Меликсетова. – 2-е изд, испр. И доп. – М.: Изд-во МГУ, Изд-во «Высшая школа», 2002. – 736с.
21. Международные отношения на Дальнем Востоке. Книга первая. С конца XVI в. до 1917 г./ отв. ред. Жуков Е.М. – М.: Мысль, 1973. – с.
22. Мясников В.С./Кастальский ключ китаеведа: соч. в 7т. Т. I Империя Цин и Русское государство в XVII веке/ В.С. Мясников. – М.: Наука, 2014. – 603с.
23. Мясников В.С. /Кастальский ключ китаеведа: соч. в 7т. Т.3 Договорными статьями утвердили. Россия и Китай: 400 лет межгосударственных отношений/ В.С. Мясников. – М.: Наука, 2014. – 603с.
24. Пумпян Г.З. /Россия и Китай: научные и культурные связи (по материалам архивных, рукописных, книжных и музейных фондов)/ Г.З. Пумпян. – СПб.: Альфарет, 2012. – 308с.
25. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений/ под ре. А.В. Лукина. – М.: Весь мир, 2013. – 704с.

26. Тихвинский С.Л. /Восприятие в Китае образа России/ С.Л. Тихвинский.
– М.: Наука, 2008. – 246с.
27. Хвостов В.М. /«Китайский» счет по реестру и правда истории/
Международная жизнь. 164. № 10
28. Шумахер П.В. /Наши сношения с Китаем (1567 – 1805): Исторический
очерк/ П.В. Шумахер. – Русский архив. 1879. № 6